

Елизавета
Васенина-Прохорова

САД ТВОЕЙ ДУШИ

Елизавета Васенина-Прохорова

Сад твоей души

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57450874

*Васенина-Прохорова Е. Сад твоей души: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-00098-247-1*

Аннотация

Случайно купленная в букинистическом магазине на Невском проспекте Санкт-Петербурга гравюра с планом партера старинной русской усадьбы XVIII века, с латинской надписью и загадочными символами породила у героини романа Е. Васениной-Прохоровой множество вопросов. Масоны и розенкрейцеры – кто они? Существовал ли этот тайный орден в XVIII веке и в России? А если существовал, то кем были эти люди? Сохранились ли документальные свидетельства их деятельности, и в чем она заключалась? Возможно, гравюра таит в себе ключ, который поможет найти ответы на эти вопросы...

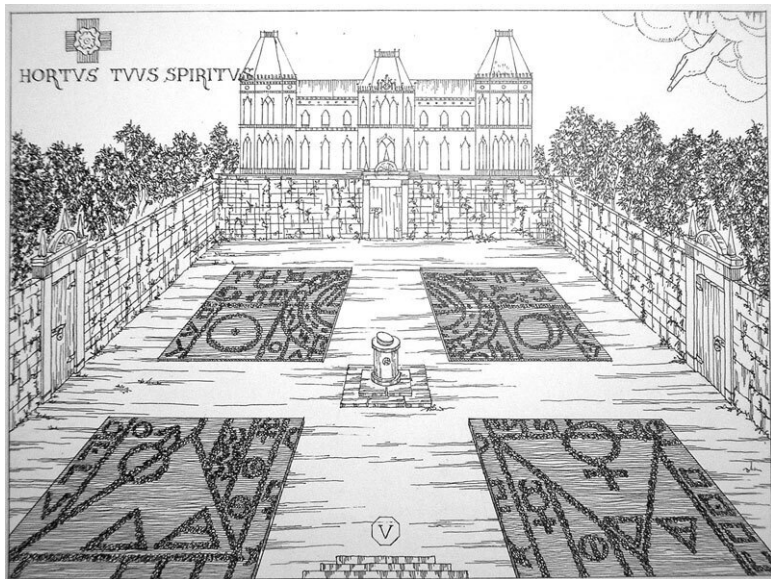

**Елизавета Васенина-
Прохорова
Сад твоей души**

© Васенина-Прохорова Е., текст, иллюстрации, 2020

* * *

*Посвящается памяти моего отца архитектора
Петра Сергеевича Прохорова*

Был один из тех туманно-сумеречных дней, которыми так славится Петербург. Когда, кажется, что город будто раство-

ряется в накрывшей его дождевой дымке. И ты тоже постепенно и неумолимо растворяешься вместе с ним, чувствуя, как со временем становишься все более и более бестелесным и уже не идешь, а плывешь вдоль улиц, которые больше похожи на старые выцветшие декорации.

В такую погоду хочется сидеть в уютном кафе и не спеша наслаждаться горячим шоколадом. Смотреть в окно на бегущих куда-то и зачем-то людей, медленно потягивая маслянисто-терпкий напиток.

И в один из таких призрачных дней, а если быть точной, то 29 ноября, я, выйдя из кафе, шла в начале Невского проспекта. Настроение было праздничное. Накануне мною была окончательно собрана, дописана и сдана в издательство книга о применении старых методов ландшафтного проектирования в наше время. Гонорар издательство мне уже выплатило, и появилось достаточно свободного времени, которое я еще не знала, как использовать. В голове крутились абсолютно разные мысли: обновить гардероб, сходить в солярий, поплавать с дельфинами или отправиться в путешествие по Египту. Я давно мечтала подняться на теплоходе вверх по Нилу, от Каира до Асуана, неспешно осматривая его исторические достопримечательности.

И вот в этот день, который не предвещал никаких приключений или открытий, я нашла их в гравюрном отделе «Старой книги» на Невском проспекте. Но оказалась я там не случайно. Все было привычно будничным. В период работы

над своей книгой у меня появилась привычка обходить букинистические магазины, где продаются старинные гравюры. Иногда удавалось найти ранее не встречаемые изображения с видами парка или партера старой русской усадьбы, слишком незначительной, чтобы о ней упоминалось в классической монографии по истории садово-паркового искусства. Частично я использовала их в своей книге. А также такая гравюра, вставленная в раму, – прекрасный подарок кому-нибудь из друзей.

Но помимо профессионального интереса мне нравится и сам процесс просмотра работ, когда ты неторопливо переключиваешь один лист за другим. Листы вставлены в папки из прозрачного пластика, которые в полураскрытом виде лежат на козлах из мореного дуба. Больше всего я люблю рассматривать, держа в руках, классическую японскую гравюру. Хиросигэ, Хокусай, Куниесе... Меня завораживает сочетание лаконизма и простоты с изысканностью, присущее работам этих мастеров.

В тот памятный день, подойдя к старым гравюрам, я, не спеша, стала их перебирать. Неожиданно мое внимание привлек один лист. Автоматически я уже переложила его в сторону, но потом снова взяла в руки и стала пристально разглядывать. В первый момент я не поняла, что было на нем изображено. Сначала мне показалось это изображением какого-то барельефа, но при более внимательном изучении стали проступать необычные символы на самом рисунке и надписи

вокруг него. Единственное я знала точно: один из символов в левом верхнем углу листа над латинскими надписями, который и привлек мое внимание к этой гравюре, я видела уже раньше. Но где и когда, этого я вспомнить не могла. Да и для изображения барельефа рисунок был слишком темным и, я бы даже сказала, каким-то мохнатым.

«План партера!»

Мысль была абсурдной, но ее подтверждала надпись в левом нижнем углу гравюры, в переводе с латыни означавшая «Сад твоей души»! Сам план партера был настолько непривычен, что моих знаний для определения его возраста и назначения было недостаточно. Но это только подогревало интерес к этой весьма странной на вид гравюре. А так как я предпочитаю не отступать перед возникающими передо мной загадками, то я заплатила за свою находку и, положив ее в папку, вышла из магазина.

В моей голове мысли зароились, как осы в жаркий летний день над клубничным вареньем. Но взяв себя в руки, стала обдумывать план боевых, как я тогда подумала в шутку, действий. И как показали дальнейшие события – была недалеко от истины. Но вернемся к началу.

Выйдя из магазина, я не спеша пошла вдоль Адмиралтейского проспекта к дому, пытаюсь определить вопросы, на которые надо было найти ответы: кто, когда, зачем и почему? И в этот момент у меня в сумке зазвонил телефон.

– Здравствуйте, Надежда Сергеевна, – произнесла я, опре-

делив по номеру, что звонила редактор моей книги.

– Оленька, иллюстративный материал, предоставленный вами прекрасен, – защebetала редактор, – Но вы знаете, на кафедре садово-паркового строительства в Лесотехнической академии хранится коллекция гравюр ныне, к сожалению, покойного профессора Громова Бориса Юрьевича. И я могу договориться с заведующей кафедрой, чтобы вам разрешили ее посмотреть. Может быть, вы найдете интересный материал. Время есть. И при верстке текста появились свободные места для дополнительных иллюстраций. Вот я и подумала, что вам будет интересно. И для себя, и для книги. Ну, значит, я договариваюсь. О времени созвонимся позднее, когда я договорюсь с Академией. Более вас не отвлекаю. Всего хорошего.

И не дожидаясь моего ответа, она повесила трубку. Впрочем, это было в ее манере, но я к этому уже привыкла и не обращала внимания на столь экстравагантное поведение.

В тот момент, отключая телефон, я и представить, не могла, что знакомство с коллекцией гравюр профессора Громова станет первым шагом на пути к разгадке тайны моей необычной покупки.

Вечером, устроившись на диване вместе со своею находкой и вооружившись лупой, я стала внимательно ее изучать. Работа действительно оказалась необычной: символы, знаки, надписи на латыни. Но мне не давала покоя мысль, где

и когда я могла видеть символ в виде креста со стилизованным изображением какого-то цветка по центру. Встав с дивана, я пошла на кухню налить себе гранатового сока и насыпать своему сиамскому коту корма, как вдруг остановилась. Я вспомнила! Я вспомнила, где видела этот знак!

Год назад мой знакомый попросил провести атрибуцию одного портрета, выполненного в технике офорта. И рассматривая эту работу вместе с Виктором Ивановичем, сотрудником Эрмитажа, я обратила внимание на медальон, висевший на груди у мужчины на портрете. Но так как в то время мои мысли были заняты моей книгой, то я не спросила у Виктора Ивановича, что это за медальон. Да и весь рассказ слушала невнимательно и быстро ушла, оставив его наедине с заказчиком.

– Ну что же, кажется, я давно не навещала Виктора Ивановича, – сказала я своему спящему коту.

На следующий день, взяв с собой ксерокопию моего партера, я направила свои стопы в сторону Эрмитажа. Мне нравится гулять по Адмиралтейской набережной. Когда, не торопясь, идешь от здания Сената и Синода, то можешь по достоинству оценить все величие города на Неве. Чем ближе подходишь к Эрмитажу, тем сильнее разворачивается окружающая тебя панорама, и когда переходишь Дворцовый проспект, то картину, которая раскрывается перед тобой, уже трудно передать. Мосты и здания кажутся парящими в

воздухе, так как невозможно определить, где заканчивается небо и начинается вода.

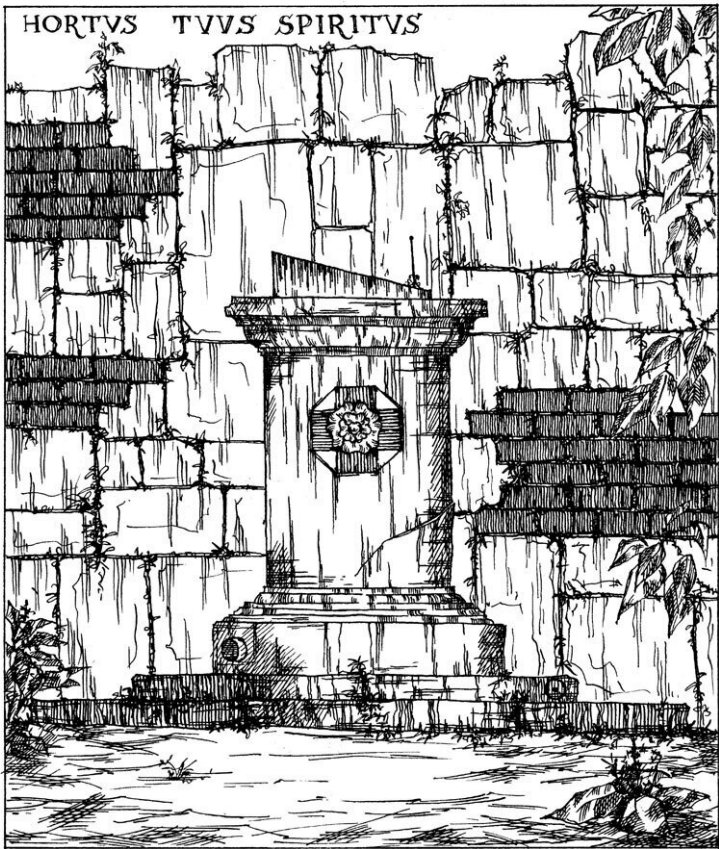
Виктор Иванович встретил меня на Иорданской лестнице, и мы сначала прошли по парадным залам, а потом поднялись на самый верх к нему в кабинет.

– Ольга Николаевна, голубушка. Проходите, проходите. Всегда рад. С чем пожаловали? – спросил меня гостеприимный хозяин, наливая мне кофе.

Некоторое время мы вели непринужденную светскую беседу, обсуждая последние новости в мире питерского искусства, – мне было неудобно сразу же в лоб задавать свой вопрос.

– Виктор Иванович, вы помните тот гравюрный портрет, который я приносила вам на экспертизу год назад по просьбе моих знакомых? Вас еще заинтересовали символы вокруг портрета, – спросила я, решив, что тянуть уже нельзя.

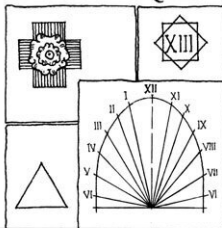
HORTVS TVVS SPIRITVS

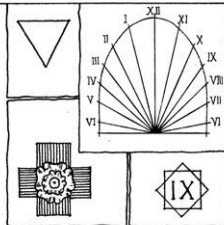
HORTVS TVVS SPIRITVS

·SAL TERNVM·
·SAL GENRALE·
·SAL ELEMENTORVM·

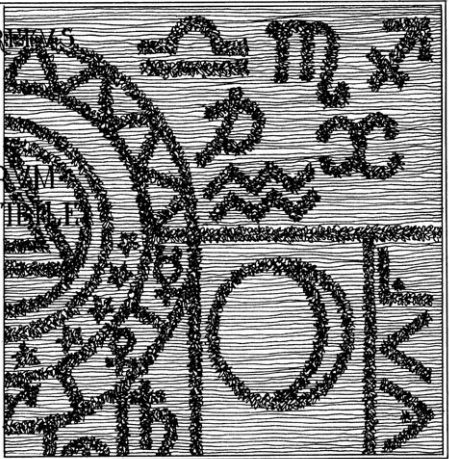
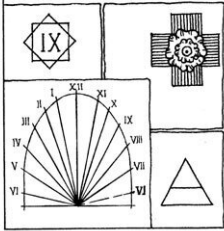

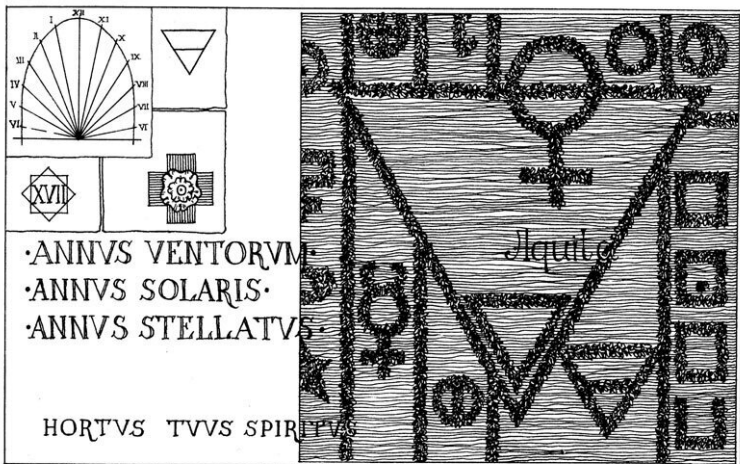
Phœnix · MERCVRIVS VVLGARIS ·
 MERCVRIVS CORPOREVM ·
 MERCVRIVS PHILOSOPHORVM ·
 HORTVS TVVS SPIRITVS

HORTVS TVVS SPIRITVS

- SVLPHVR FIXVM•
- SVLPHVR RTHEOPVM•
- SVLPHVR COMBITELI•

– Да, да, помню. А почему вспомнилась эта история, Оленька? – удивился Виктор Иванович.

– Просто в течение всего нашего разговора я люблюсь работой Рембрандта, что напечатана на афише к выставке «Рембрандт – гравер». Она висит у вас за спиной, – неожиданно для самой себя сказала я, так как меня удивил взгляд Виктора Ивановича, когда я упомянула про портрет.

– Да, да, работа очень интересная, – стал говорить Виктор Иванович, внутренне подобравшись. – Знаки розенкрейцеров. И на груди у него медальон. Один из Великих магистров, а возможно, и сам Христиан Розенкрейц. Существует одна гипотеза, что на работах Альбрехта Дюрера, посвящен-

ных Святому Иерониму, изображен Христиан Розенкрейц. Я даже рассматриваю эту идею в своей статье, посвященной истокам и становлению западноевропейского графического портрета XVI–XVII веков. И там, кстати, этот портрет приведен. А насколько я помню, Дюрер занимает первое место в вашем пантеоне художников.

– Но, к сожалению, у меня пока нет эрмитажного сборника за этот год.

– Возможно, я смогу презентовать экземпляр.

Виктор Иванович долго копался в стопках книг и журналов, которые занимают практически все свободное место в его кабинете, переходя от одной стопки к другой. Радостно крикнув, он достал искомый сборник и, протягивая его в мою сторону, стал пробираться обратно к своему столу. Что было делом нелегким. Компьютер уже давно вошел в нашу жизнь, облегчая работу, но количество книг в кабинетах моих знакомых от этого не уменьшилось.

Наконец-то сев за свой стол, он раскрыл сборник на своей статье, чтобы поставить автограф, и, увидев тот портрет, неожиданно ушел в себя.

– А история с той гравюрой вышла странной. Вы разве не знаете? Спустя неделю владелец работы погиб в автомобильной аварии. Хотя это, может, и не имеет к ней отношения. В жизни всякое бывает. Но...

– И... – решила я спросить после долгого молчания.

– Оленька, история имеет привычку возвращаться. Мы

считаем, что ни тамплиеров, ни масонов, ни розенкрейцеров более не существует. Но это не так. История всегда с нами, – говорил Виктор Иванович с несвойственной ему патетикой. – Нельзя вторгаться в эти сферы без дозволения. И я не знаю, почему спустя год вы об этом спрашиваете, но мой вам совет, Ольга Николаевна – выбросьте это из вашей головы. Вы прекрасный искусствовед, только что сдали книгу. Отдохните. Съездите за границу. Все это не стоит вашего внимания.

– А я собираюсь в Египет, – ответила я, все с большим удивлением глядя на Виктора Ивановича.

– А вот и прекрасно. Ольга Николаевна, – как-то искусственно проговорил Виктор Иванович, – Попытайтесь там найти следы садово-паркового искусства древних египтян.

– Я непременно воспользуюсь вашим советом, когда буду гулять по пескам около храма царицы Хатшепсут, – попыталась сострить я. – Не смею вас больше задерживать. Куча дел. И большое спасибо, Виктор Иванович, за статью.

И взяв сумку, покинула кабинет, оставив Виктора Ивановича со своими мыслями, так и не показав ему своей находки.

Быстро сбегав по служебной лестнице, я вышла на Дворцовую набережную.

– Вот это да, – единственное, что я смогла сказать сама себе, кутаясь от пронизывающего ветра с мелким, морозящим

дождем. Реакция Виктора Ивановича на мой, казалось бы, совсем безобидный вопрос была неоднозначной. И от чего меня отговаривать, если я пока ничего и не делаю? Смысл этого я понять не могла.

Дождь стал крупнее, и пришлось открыть зонт, хоть он и не спасает при порывистых питерских ветрах, дующих с Финского залива. Но, как ни странно, дождь подействовал на меня благотворно, и мои мысли стали принимать более конструктивный характер. Розенкрейцеры. Масоны. Мои знания по этому вопросу были нулевыми. Значит, нужно восполнить пробелы. И я пошла в сторону ближайшего книжного магазина.

Выйдя к Невскому, я решила, что правильнее будет пойти к каналу Грибоедова, тогда можно посетить сразу три книжных магазина – «Буквоед», «ДВК» и недавно открывшийся после ремонта Дом книги, располагающийся в бывшем здании компании Зингера. Я хотела найти книги, которые дали бы мне представление о том, с чем я все-таки столкнулась.

Но не тут-то было. Промочив насквозь замшевую куртку, проголодавшись и устав, я смогла купить только одну книгу. Да, обилие товаров еще не гарантия, что ты сразу обретишь то, что тебе надо.

Результатом моего похода стало приобретение толстенного тома под названием «Полная энциклопедия символов». Этот талмуд отвечал моим требованиям: просто, доходчиво и наглядно. А что касалось розенкрейцеров и масонов, то

таких книг я вообще не нашла.

«Ну хоть что-то, – думала я, идя по направлению к дому в сумерках, которые в это время года рано опускаются на Петербург. – Начнем с малого».

Вечером, после легкого ужина в компании моего кота, я опять вернулась к моей таинственной находке, которая все больше притягивала меня к себе.

В первую очередь я решила сделать максимально крупное изображение всех символов. С помощью компьютера и принтера я распечатала каждый символ на отдельном листе. К этому добавила и надписи, хотя мои познания в латыни весьма низки, в школе нам ее не преподавали. И разложила эти листы на полу вокруг дивана, на котором я расположилась вместе с энциклопедией.

Но результат моей многочасовой работы оказался почти нулевым. Кроме символа, который и привлек мое внимание к этой работе – это оказалась каббалистическая эмблема ордена розенкрейцеров, в которой роза символизирует божественный свет Вселенной, а крест – земной мир страданий, женское начало и мужское, материальное и духовное, – я не смогла определить больше ничего. К этому можно добавить краткую справку по истории общества розенкрейцеров. И это все. Но, с другой стороны, я теперь знала, что братство розы и креста было создано Розенкрейцем в 1407 году, после его паломничества в шестнадцатилетнем возрасте на

Святую землю и странствиям по Ближнему Востоку. Целью братства было распространение древних мистических учений и исцеление страждущих. Скончался Розенкрейц в возрасте 106 лет.

– Не густо. Если это все, то я зашла в тупик, – пожаловалась я своему коту. – Мне это не решить, как это ни печально.

Настроение упало до нуля. И я подумала, как все-таки в каждом из нас сильна тяга к приключениям и всякого рода тайнам, которая наиболее примитивно проявляется в решении ребусов и сканвордов.

Из грустных мыслей меня вывел телефонный звонок, хотя был уже первый час ночи.

– Кто это может быть? – сказала я коту и, найдя свои тапки, пошла к телефону.

Звонила редактор.

– Ольга Николаевна, простите великодушно за столь поздний звонок, – оправдывалась Надежда Сергеевна. – Весь день крутилась как белка в колесе и забыла вам позвонить по поводу Лесотехнической академии. Вас ждут завтра, то есть уже сегодня, к часу дня. Встретят у главного входа и проведут на кафедру. Заведующая кафедрой Анна Анатольевна обещала вам всякое содействие. Ну, желаю удачи.

– Спасибо, Надежда Сергеевна, постараюсь оправдать ваши ожидания, – ответила я, и повесила трубку.

– Ну что же, хватит предаваться унынию, надо работать.

Моя книга важнее, чем эта загадочная гравюра, – сказала я своему мирно посапывающему коту, но думала совершенно наоборот.

Утром, положив в сумку цифровую фотокамеру и все необходимые инструменты, я поехала на встречу.

Парк Лесотехнической академии был по-осеннему мрачен и безлюден. Белое здание Академии едва виднелось сквозь черные стволы деревьев, сливаясь с таким же белесым небом. После ночного дождя на его дорожках стояли большие лужи, и приходилось перепрыгивать через них, чтобы не промочить ноги.

Лаборант кафедры, как и говорила Надежда Сергеевна, встретила меня в главном вестибюле и проводила на кафедру, так как в Академии, как и в любом другом старинном учебном заведении с обилием лестниц и длинных коридоров, заблудиться очень легко.

– Здесь не обойтись без нити Ариадны, – пошутила я, – мне бы потом найти дорогу обратно.

– О, не волнуйтесь. Как освободитесь, я провожу вас к выходу, – ответила лаборант.

После спусков, подъемов и продолжительных переходов мы наконец-то подошли к кафедре. Анна Анатольевна уже ждала меня в своем кабинете. И после короткого делового знакомства мы пошли к кафедральной библиотеке, где и хранилась коллекция гравюр Бориса Юрьевича Громова.

– Гравюры хранятся у нас в том же виде, как и у Бориса Юрьевича, – говорила по дороге Анна Анатольевна. – Хотелось бы изучить их более подробно, может, что-то использовать в электронном виде при чтении лекций для студентов. Но в связи с нашим переездом и ремонтом все недосуг.

– Ну вот мы и пришли. Располагайтесь, как вам удобно. Во времени вы не ограничены. Когда закончите, лаборант проводит вас обратно, здесь действительно можно заблудиться.

– Извините, я на всякий случай взяла с собой цифровой фотоаппарат, если вдруг встретится интересная работа. Можно это отснять? – спросила я. – Фотографирую без вспышки, так что гравюрам вреда не будет.

– Да, да конечно. Если надо, фотографируйте, меня об этом уже попросили, – в дверях ответила Анна Анатольевна. – Извините, совещание у ректора. До свидания.

После ухода завкафедрой я не спеша сняла пальто, повесила его на вешалку и только после этого подошла к столу, на котором лежала папка, приготовленная лаборантом к моему приходу.

Папка, в которой хранилась коллекция гравюр профессора Громова, представляла собой не меньший интерес для исследования, чем гравюры. Это была аутентичная папка конца XIX века, в которой раньше находились цветные литографии, посвященные коронации Николая Второго. Я долго рассматривала саму папку и любовалась конгревами, ко-

торые покрывали ее внешнюю часть. И только после этого приступила к изучению собрания Бориса Юрьевича.

Рассматривая листы, я размышляла о том, какие из них можно использовать в моей книге. Встречались очень интересные экземпляры музейного уровня. К таким вещам можно, например, отнести шесть гравюр с видами Ильде-Франс Карла Людвига Фроммеля, который первым в Германии в XVIII веке стал применять технику гравюры на стали; в России эту технику стали осваивать только в начале XIX века. Несколько «Фонтанов» Жиль-Мари Оппенора – архитектора – управляющего королевскими парками эпохи Регентства во Франции в XVIII веке. А также мое внимание привлекли акватинты архитектора Ивана Александровича Фомина, основоположника советской архитектуры. Это были листы к его дипломному проекту «Курзал», относящиеся к дореволюционному периоду его творчества. Учась в Академии художеств, я писала курсовую работу о применении техники офорта в архитектурном проектировании, где упоминала и творчество Фомина.

Да, чтобы собрать коллекцию такого уровня, надо потратить не только много времени и сил, но самое главное – быть настоящим коллекционером, обладающим интуицией, а это дар божий.

Те гравюры, которые могли пойти в книгу, я раскладывала на столе для последующей фотосъемки. Остальные аккуратно складывала в стороне. Положив на соседний стол очеред-

ную гравюру, которую тоже решила сфотографировать, я вернулась к папке, чтобы взять следующий лист. И замерла.

– Это невозможно, – сказала я и опустилась на стул, держа в руках лист пожелтевшей плотной бумаги.

В верхнем левом углу гравюры находился символ, который я уже ни с чем и никогда спутать не могла. Каббалистическая эмблема ордена розенкрейцеров. Далее шла надпись на латыни, которую я тоже уже знала наизусть: HORTUS TUUS SPIRITUS.

После того как прошло первое потрясение, я стала пристально разглядывать мою находку. В том, что моя гравюра, купленная мной в букинистическом магазине, и та, которую я держала сейчас в руках, были взаимосвязаны, я не сомневалась. Так как кроме одинаковых символов и надписи на гравюре из собрания Бориса Юрьевича был изображен такой же таинственный партер.

– Надо срочно ехать домой и все обдумать, – вслух сказала я, чтобы прийти в себя.

В первую очередь я решила отснять мою таинственную находку из суеверного страха, что вдруг она неожиданно исчезнет, сделав максимальное количество кадров с разной выдержкой, чтобы получить как можно более четкие снимки. Потом точно измерила в миллиметрах размер оттиска для последующей распечатки его в натуральную величину. Быстро досмотрела оставшиеся гравюры и сняла те, которые решила использовать в своей книге. Закончив с этим, стала ак-

куратно убирать их обратно в папку, перекладывая каждую гравюру специальной бумагой, как это было у Бориса Юрьевича, благодаря его за такой подарок.

Но оказалось, что это были еще не все сюрпризы, которые приготовил мне профессор Громов.

Последней в папку я убирала свою таинственную находку. Расставаться с ней мне было нелегко, но что поделать.

«Я ее сняла, и она у меня тоже есть», – мысленно утешала я себя.

Закрывая гравюру калькой, я обратила внимание, что к ней прикреплен лист писчей бумаги с рукописным текстом, который я сразу не заметила.

– Вот это да! Сюрприз за сюрпризом, – вырвалось у меня. – Сначала прочтем, а потом его тоже надо сфотографировать.

На этом листе, судя по всему, рукой самого Бориса Юрьевича было написано, что на гравюре предположительно изображен партер старинной усадьбы, которая располагалась среди болот на Ладогe. Усадьба принадлежала фрейлине екатерининской эпохи. Летом эта усадьба была недоступна, а приезжала она в нее еще по зимнему пути и оставалась в ней безвыездно до конца осени.

«Да что заставляло фрейлину вести такой аскетический образ жизни, который никак не соответствовал принятым в то время в высшем свете нормам жизни? – подумала я, складывая гравюры, после того как еще раз все проверила и убе-

дилась, что ничего не забыла и не перепутала. – А теперь как можно быстрее домой».

Я позвала лаборанта, чтобы она закрыла библиотеку и, как обещала, проводила меня до выхода, поблагодарив за уникальную возможность ознакомиться с такой интересной коллекцией. Попросила передать мою благодарность Анне Анатольевне и, вежливо отказавшись от предложенного мне чая, поехала домой.

«Как часто судьба преподносит нам сюрпризы, когда мы этого не ждем, – размышляла я по дороге домой. – Вчера я была в унынии, когда зашла в тупик со своей находкой, а сейчас я пребываю в эйфории. Но надо взять себя в руки, моя голова должна быть ясной, так как, судя по тому, с чем мне уже пришлось столкнуться, эта загадка имеет много подводных камней. Ну что же, от этого она становится еще более притягательной, и мне очень бы хотелось ее разгадать».

Приехав домой, я в первую очередь обратилась к компьютеру, чтобы просмотреть фотографии, которые у меня получились, и сразу же их напечатать. Для обработки их в фотошопе терпения у меня не было.

– Для первого ознакомления качество подойдет, а потом в спокойном состоянии и обработаю, – утешала я своего кота, который терся о мои ноги с требованием паштета, а вовсе не волновался за качество моих снимков. – Ужин у нас откладывается.

Пока принтер печатал листы, я приготовила остальной материал и разложила его вокруг своего рабочего места – дивана, на котором и устроилась, прихватив с собой как оружие лупу.

– Ну что ж, начнем, – сказала я, взяв в руки лист с изображением гравюры из коллекции профессора Громова. – Очень интересно.

Гравюры были похожи, но в то же время отличались. Начиная с того, что на моей гравюре был изображен план партера. А на гравюре Громова он был изображен в перспективе. Форма партера была квадратная, и по главным осям проходили крестообразные аллеи, в центре пересечения на площадке находился гномон – солнечные часы. Сам партер был обнесен стеной, в которой имелось три входа. За центральной стеной, практически на линии горизонта, была изображена усадьба в псевдоготическом стиле. В левом верхнем углу располагалась эмблема ордена розенкрейцеров и надпись HORTVS TVVS SPIRITVS – «Сад твоей души». Справа – из облаков выходящая рука, которая указывала на солнечные часы. И при внимательном изучении символов на партере стало ясно, что моя гравюра является только четвертой частью от всего плана.

– Это почти все, и в то же время ничего, – сказала я своему коту, направляясь на кухню, чтобы поужинать. – Надеюсь, ужин придаст нам веру в свои силы, нам она еще понадобится.

Но мой путь был прерван телефонным звонком.

– Привет, солнышко, это я, – радостно заявила моя подруга Лена. – Ты что, забыла про наш совместный ужин? Все готово, и я тебя уже давно жду.

Я замерла. Ведь у меня это действительно вылетело из головы после сегодняшней находки. Лена живет недалеко от меня, в своей студии, которая находится на Галерной улице за площадью Труда, и мы часто ужинаем вместе.

– Нет, что ты. Я уже бегу. Только покормлю кота, – быстро ответила я, чтобы Лена не подумала, что я действительно забыла.

– Давай беги. А то все остынет. Твой Ромео сам подогреет себе ужин. Мужчины в наше время самостоятельные и в нас как кухарках не нуждаются, – пошутила подруга и повесила трубку.

Мне не очень хотелось отрываться от дальнейших изысканий и идти в гости, но Лена была моей близкой подругой. Мы подружились во время учебы в Академии художеств, где Лена училась на графическом, а я на архитектурном факультетах.

– Долг превыше всего, – говорила я своему коту, насыпая ему корма. – Тебе везет, ты сможешь после ужина снова изучать наши находки. Обо всем интересном доложишь. Я ненадолго.

После прекрасного ужина, приготовленного Леной, мы,

захватив с собой чай каркаде, усадились на диване для продолжения нашей болтовни. Садясь на диван, я взяла в руки газету, чтобы отложить ее в сторону. Но Лена неожиданно сказала, что эту газету она приготовила специально для меня.

– Я не читаю газет, – ответила я, продолжая держать ее в руках. – Что за название – «Загадки и тайны истории»?

– Мне приходится их просматривать, ведь Денис является редактором этого издания, – стала объяснять Лена. – А в этом номере есть статья, которая может вызвать твой интерес. Ты у нас являешься специалистом по старинным усадьбам, тебе и флаг в руки.

– О чем ты?

– Смотри. Одно название говорит само за себя. «План парка – карта к сокровищам», – проговорила Лена, возвращая мне газету, уже раскрытую на нужной статье.

– Если ты так настаиваешь, я ее прочитаю. Но дома. Сейчас, после твоего ужина, я не в состоянии что-либо воспринимать, – согласилась я и встала с дивана, чтобы положить газету в сумку.

Было около одиннадцати вечера, когда я решила отправиться домой.

– Подожди пять минут, сейчас приедет Денис, и мы тебя проводим, – настаивала Лена.

– Ну вот еще, человек придет с работы уставший, а ты хочешь, чтобы он пошел меня провожать. Не волнуйся, добегу сама, не первый раз, – успокаивала я свою подругу.

Пока мы препирались, пришел Денис, но вид у него был расстроенный. Мы с Леной переглянулись – что могло такого случиться? Невзирая на специфику своей работы, Денис всегда пребывал в благодушном настроении и не терял чувства юмора.

– Привет, Оль. Уже собираешься? Тогда я не буду раздеваться, мы тебя проводим, – сказал Денис и как-то устало оперся на дверь.

– Да добегу я сама, пять минут – и дома, не делайте из этого проблему, – пыталась я урезонить своих друзей.

Но он махнул рукой и снял с вешалки Ленино пальто, чтобы помочь ей.

– Мне самому надо немного пройтись, в редакции творятся странные вещи. У нас постоянно что-нибудь происходит, специфика тем. Но это пахнет криминалом, – говорил Денис, подавая Лене пальто.

До моего дома мы решили прогуляться по Английской набережной. Тем более – редкий случай! – погода благоприятствовала прогулке вдоль Невы. Был уже конец ноября, но погода стояла не по-зимнему теплой и безветренной, что в Петербурге бывает редко. Мы шли вдоль Невы, обсуждая новую подсветку домов, выходящих на Английскую набережную от здания Сената и Синода до площади Труда. Картина впечатляющая, особенно если смотреть с противоположного берега.

Мост-дублер, который заменял Благовещенский мост, не

был подсвечен, и Нева тонула в темноте.

Мы подошли к спуску напротив нашей Академии художеств. Из-за теплого воздуха над Невой стоял туман, и сфинксы казались спящими в облаках.

– У нас произошло убийство, – неожиданно резко сказал Денис, опершись на парапет.

Мы молча уставились на него, слишком неожиданным был переход.

– Лен, помнишь ту статью про клад в парке, ты еще сказала, что надо показать ее Оле, – спросил Денис.

– Да, конечно, я ее как раз сегодня отдала Ольге почитать. А что? Нельзя? – глупо спросила Лена.

– Автора этой статьи вчера сбила машина, насмерть. Свидетели говорили, что машина поехала, когда он стал переходить дорогу. Номера были залеплены грязью, – продолжал Денис, не обратив внимания на реплику Лены. – Но это еще не все. Квартиру Щеглова вскрыли и всё в ней перелопатили. Сегодня приходил следователь, интересовался, чем таким занимался Щеглов. А мы не в курсе. Последнее время он был каким-то нервным, настаивал на срочной публикации своей статьи, а ее и всерьез-то никто не воспринимал.

Мы стояли, глядя на темные воды Невы, которые текли у нас под ногами, и не знали, что ответить.

– Ладно, дамы. Утро вечера мудренее, да и вам уже пора спать, – философски заметил Денис и, взяв нас с Леной под руки, повел в сторону моего дома.

EBT 20/6

Трагический рассказ Дениса выбил меня из колеи но, я все-таки решила прочитать статью погибшего журналиста этим же вечером.

В своей статье Андрей Щеглов, опираясь на письма агентов тайной канцелярии, которые он разыскал в Публичной библиотеке, высказывал гипотезу, что члены тайного общества, вынужденные срочно покинуть Российскую империю, спрятали свои сокровища в имении, которое располагалось в Петербуржской губернии, но зашифровали путь к ним в плане парка.

– И что ты по этому поводу думаешь, Ромео? – спросила я своего кота. – Звучит не вполне убедительно. Во время и после революции находили разные клады, как бы их бывшие владельцы ни прятали.

Он же, безразлично на меня посмотрев, соскочил с дивана и стал потягиваться прямо на моих материалах, зацепив один из листов.

– Перестань хулиганить, – отчитала я кота, пытаюсь вытащить застрявший у него в когтях лист.

Мельком глянув на бумагу, я увидела, что это была записка Бориса Юрьевича о таинственном партере, которую я сфотографировала в Лесотехнической академии.

– Ты думаешь, что это взаимосвязано? – удивленно сказала я своему коту, который медленно удалялся в сторону кухни с гордо поднятым хвостом и чувством выполненного

долга.

Я опустилась на диван и уставилась на листы, разбросанные вокруг.

– Хорошо, Ромео, если мы принимаем твою версию как основную, то что мы имеем на данный момент? Ничего. Тогда необходимо составить список задач, которые надо решить исходя из данной гипотезы. Ты с этим согласен? – Кот сидел в дверях кухни, намывая свои усы.

Несмотря на то что наступил второй час ночи, я решила составить список первоочередных задач, потому что в моей голове творился хаос и надо было все расставить по своим местам. Или, во всяком случае, попытаться это сделать, так как я знала, что заснуть после событий сегодняшнего дня вряд ли смогу.

Итак...

Первое – как можно более точно датировать время создания гравюр и по возможности установить имя автора или владельца печатни, в которой они были напечатаны. Тогда легче будет установить временной отрезок, когда происходили данные события, если они вообще имели место.

Второе – освежить знания по истории садов России и Западной Европы начиная с XV века; учитывая время создания общества розенкрейцеров, этот партер явно не был традиционным. Если карта существовала, то скорее всего она была зашифрована в знаках, выстриженных из самшита.

Третье – где эта усадьба могла располагаться.

Четвертое – кто такие масоны и розенкрейцеры.

И пятое – многие другие вопросы, как я понимала, надо будет решать по мере их поступления. А поступать они будут непременно.

Можно, конечно, попытаться расспросить Дениса по поводу других материалов Щеглова, но сейчас это маловероятно, полиция тоже проявляет к ним интерес. И с чего вдруг я этим заинтересовалась? Придется расспросы отложить на потом.

– Ладно, не смотри на меня. Всё, иду спать, – зевая, сказала я коту, который сидел у дивана и смотрел на меня с явным неодобрением.

Утром следующего дня я должна была встретиться в издательстве с Надеждой Сергеевной, редактором моей книги, для обсуждения фотографий, сделанных мной накануне в Лесотехнической академии. Как я и предполагала, разговор у нас затянулся на полдня. Макет книги уже был готов, поэтому мы могли сразу прикинуть, куда можно вставить новые фотографии. Надежда Сергеевна с интересом рассматривала принесенные мной снимки с гравюр из коллекции Бориса Юрьевича Громова, долго решая, какие из них лучше использовать.

– Да, Ольга Николаевна, судя по результату, ваш поход в Академию оказался плодотворным, – улыбаясь, говорила Надежда Сергеевна, в очередной раз перекладывая фотогра-

фии.

– Конечно, Надежда Сергеевна, я даже представить себе не могла, что смогу там найти, – с тайным смыслом сказала я.

– Я очень рада, Оленька. Наша книга от этого только выигрывает.

– Зайдите через пару дней оценить сегодняшнюю работу, – говорила мне Надежда Сергеевна, провожая меня к выходу.

– Обязательно, – с улыбкой ответила я, зная, что у меня все равно нет выбора. – До свидания.

На улице темнело, хотя до вечера было еще далеко. Но что поделаешь – Петербург, декабрь.

«Значит, у меня еще есть время, чтобы посетить библиотеку, в которой собраны книги именно по истории архитектуры – библиотеку Союза архитекторов», – мысленно отработовала я сама себе.

Шел мокрый снег, и деревья в сквере на Исаакиевской площади серебрились в свете фонарей, а на их фоне темной громадой высилось творение Огюста Монферрана – Исаакиевский собор.

Я завернула на Большую Морскую улицу и пошла в сторону Дома архитектора.

В фойе было пустынно, значит, никаких мероприятий сегодня нет и парадные залы, главная достопримечательность Союза, закрыты. Раздевшись в гардеробе, я поднялась на

третий этаж, в библиотеку.

Меня интересовала конкретная книга, а точнее – два тома, в которых были собраны гравюры Жака Андруэ дю Серсо. Заново просматривая эти гравюры, я хотела освежить свои знания о характере замковых садов XV–XVI веков. Большая часть этих садов, к сожалению, до нашего времени не сохранилась. Но рассматривая эти гравюры, можно получить представление, как выглядели сады того времени. Интуиция мне подсказывала, что художник, выполнивший мою гравюру и гравюру из коллекции профессора Громова, был знаком с творчеством дю Серсо. По стилистике мой партер можно отнести к садам раннего Возрождения. Для них характерны ограждающие стены, аллеи, пересекающиеся под прямым углом, и прямоугольная система партеров сложного геометрического рисунка с определенной аллегорической образностью. Центр пересечения аллей подчеркивался фонтаном. Все это, как я видела, присутствовало на гравюре из коллекции Бориса Юрьевича. За исключением фонтана – на месте пересечения аллей находился гномон. Но что это могло означать, мне было пока не известно.

Получив книги, я пошла к дальнему столу, сгибаясь под их тяжестью, каждый том весил килограммов пять и имел соответствующий формат. Положив фолианты на стол, я села, чтобы собраться с мыслями, так как не знала, что конкретно мне надо искать.

Открыв первый том, я не спеша стала просматривать гра-

вюры, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку. Я достаточно долго просматривала первый фолиант и решила приступить ко второму. Но закрывая книгу, обратила внимание, что задний форзац по нижнему краю полностью отошел от кожаной обложки. Опять раскрыв ее, я решила позвать библиотекаря, чтобы ей это показать. Но посмотрев в зал, увидела, что она вышла.

«Ладно, подождем», – подумала я и более внимательно посмотрела на форзац.

Книга была очень старинной, и то, что с ней произошло, могло уже быть следствием воздействия времени. К сожалению, книги тоже стареют.

И тут мое внимание было привлечено маленьким уголком белой бумаги, который выглядывал из-под форзаца.

«Странно, на часть переплета это не похоже. Что это может быть такое?» – размышляла я, пытаясь подцепить белый уголок.

Неожиданно из-под форзаца стал вылезать лист плотной бумаги, сложенный вдвое. Развернув его, я в прямом смысле впала в ступор. Это был брат-близнец моей гравюры. Отличие состояло только в том, что на этом листе изображалась вторая часть моего таинственного партера.

Что думать по этому поводу, я не представляла. Прошедшее событие было слишком нереальным, такое могло случиться только в кино. И что делать дальше, я тоже не знала. Проблема заключалась в том, что у меня с собой не было

моего фотоаппарата. Да мне и не дали бы это отснять, в библиотеках фотографировать исторические книги запрещено, это я знала точно.

Решение пришло спонтанно. Библиотекарь еще не пришла, а рядом со мной на столе лежала рабочая тетрадь, в которую гравюра в сложенном виде спокойно помещалась. Я не спеша взяла в руки тетрадь, раскрыла ее и так же медленно положила туда гравюру. Потом закрыла и вернула обратно на край стола.

Я осознавала, что поступаю неправильно, но другого выхода у меня на тот момент не было. Если я покажу эту находку библиотекарю, то вряд ли увижу ее еще хоть раз. А после событий последних дней я прекрасно понимала, что должна разгадать эту тайну.

«Тем более в любой момент смогу спокойно вернуть ее обратно», – успокаивала я свою совесть.

– Уже закончили? – спросила меня вошедшая библиотекарь, видя, что я сижу перед закрытыми книгами.

– На сегодня да. Если понадобится, приду еще раз, – ответила я и встала, чтобы отнести книги. Тетрадь демонстративно лежала на столе.

Отдав книги и расписавшись в бумагах, я вернулась за тетрадью и, попрощавшись с библиотекарем, не спеша пошла к выходу.

Выйдя из Дома архитекторов, я решила пойти домой са-

мым длинным маршрутом, чтобы было время собраться с мыслями. Принимая во внимание найденную мною сегодня гравюру и то, как она была спрятана, выходило, что журналист Андрей Щеглов был прав и существует план какого-то парка, где зашифровано место расположения клада. Но тогда встает вопрос – кому и зачем пришлось прибегать к таким мерам? И почему? И самый главный вопрос – как это расшифровать?

Дома, вечером, разложив все имеющиеся у меня материалы и добавив к ним сегодняшнюю находку, я попыталась собрать воедино все детали этой головоломки.

На данный момент в моем распоряжении были: портрет неизвестного мужчины, возможно – Христиана Розенкрейца, который я отсканировала с эрмитажного сборника, гравюра с общим видом таинственного партера и усадьбой и два фрагмента плана. Основным моментом для всех них являлась каббалистическая эмблема ордена розенкрейцеров.

Но не хватало двух фрагментов партера, если исходить из главного вида. Я опять попала в тупик и сомневалась, что мне повезет в третий раз.

– Значит, Ромео, нам надо обратиться за помощью, – утешала я кота, который свернулся печальным клубком на диване. – Тем более такой человек есть. Многоуважаемый Виктор Иванович, и мне кажется, что он многого недоговаривает. Думаю, нам надо нанести ему визит без предварительной

договоренности. Эффект неожиданности.

Так как тема разговора должна была быть серьезной, то я решила основательно к ней подготовиться. Оригиналы гравюр я с собой брать не хотела, и поэтому весь вечер у меня ушел на обработку и печать гравюр, их фрагментов и деталей надписей.

Я настолько ушла с головой в работу, что, когда зазвонил телефон, подпрыгнула от неожиданности.

– Ты не спишь? – спросила меня Лена. – А то Денис пришел с работы и говорит, что ему надо с тобой срочно поговорить.

– Нет, – ответила я, – сижу за компьютером. Так что можете зайти. Буду ждать.

– Так, так, Ромео, события начинают развиваться вне зависимости от нас, – сказала я своему коту, который проснулся от звонка и теперь сидел на диване и смотрел на меня.

Денис хотел со мной поговорить о статье Щеглова, в этом я была абсолютно уверена. Но о чем именно, можно будет узнать только от него. Мне оставалось только ждать их прихода.

Пока друзья шли к моему дому, у меня было время убрать гравюры и вспомогательный материал, который я подготовила к встрече с Виктором Ивановичем.

Почему-то я считала, что рассказывать им о моих находках еще рано. Сначала я должна сама во всем разобраться.

– Оль, извини, что мы завалились к тебе так поздно, – с

места в карьер взял Денис. – Но мне не дает покоя смерть Щеглова. Он как-никак был моим другом, хотя в прямом смысле наши отношения дружбой не назовешь.

– Когда прошел первый шок после известия о его смерти, – начал свой рассказ Денис, – я вспомнил разговор, который произошел накануне его гибели. Он говорил о том, что хочет заняться изучением жизни и творчества архитектора Василия Ивановича Баженова. И что это непосредственно связано с таинственной картой клада, зашифрованной в плане парка старой усадьбы, о которой он написал статью. И что, мол, в донесениях агентов тайной канцелярии было много упоминаний о деятельности архитектора Баженова. Как ты думаешь, это может иметь под собой реальную основу? Могли он быть автором такого парка?

– Я никогда не рассматривала творчество Баженова с такой точки зрения, – ответила я Денису. – Но если для тебя это важно, я постараюсь что-нибудь узнать. Многие архитекторы того времени проектировали не только дворцы, но и парковые ансамбли, которые их окружали. В качестве примера можно привести район собственной дачи в Ломоносове, построенный по проекту Ринальди, который включает в себя не только Китайский дворец и павильон Каталной горки, но и парк. Да, хотелось бы увидеть эти письма, тогда мы будем более точно знать, в каком направлении нам идти.

– Это проблематично, – ответил Денис, – так как в квартире Щеглова все электронные носители уничтожены, а в ре-

дакции он свой материал не хранил.

– Хорошо, будем исходить из того, что у нас есть, – говорила я, глядя, как Лена мучает Ромео, но это была их обычная игра, доставляющая удовольствие им обоим. – Но мне понадобится время.

– Я тебя не тороплю, так как понимаю, что требую от тебя невозможного, – с улыбкой сказал Денис. – Лена вообще считает, что это все плод моего большого воображения.

– Конечно, – выпалила Лена, закручивая Ромео в бараний рог. – Чего еще можно ожидать от сотрудников вашей газеты!

– Чай вскипел, – вмешалась я в их разговор, чтобы предотвратить надвигающуюся бурю.

Оставшееся время мы говорили о пустяках и разошлись во втором часу ночи.

После ухода моих друзей я опять достала гравюры. И рассматривая их, я думала, мог ли архитектор Василий Иванович Баженов быть их автором. Возможно. Тогда это объясняло анаграмму, которая стояла на главной гравюре, – буквы VB, вписанные в восьмиугольник. Но наиболее полный ответ на этот вопрос мог дать только мой учитель по Академии художеств – Виктор Иванович Соловьев.

Я хорошо знала привычки Виктора Ивановича и не сомневалась, что в полдень застану его у себя в кабинете в Эрмитаже.

– А я ждал, Ольга Николаевна, голубушка, когда же придете и все мне, старику, расскажете, – с улыбкой сказал Виктор Иванович, когда после стука я вошла к нему в кабинет.

– И это почему же? – так же с улыбкой ответила я, принимая правила игры.

– Вы – моя лучшая ученица, которую я готовил на свое место. Вы не умеете прятать секреты, – говорил мой учитель и параллельно готовил кофе. – Как бы вы ни любили Рембрандта, но вы его знаете очень хорошо, чтобы неожиданно им восторгаться, как первокурсница.

Я не стала ничего объяснять, а молча разложила весь материал, который вчера приготовила, на его рабочем столе.

– Виктор Иванович, на портрете, который вы атрибутировали год назад, есть анаграмма VB в восьмиугольнике? Вы ведь его изучили досконально, – говорила я, пытаюсь ходить по кабинету.

– Нет, – ответил Виктор Иванович, рассматривая мои находки. – Где вы это раскопали, Ольга?

– Вы не поверите, первую гравюру я совершенно случайно купила в букинистическом магазине несколько дней назад. Центральную гравюру, назовем ее так, нашла среди гравюр в коллекции профессора Громова в Лесотехнической академии, когда ездила туда по поводу своей последней книги. А третью – украла вчера из библиотеки Союза архитекторов, она была спрятана под форзацем книги с гравюрами дю Серсо. Но это еще не все. Несколько дней назад погиб журна-

лист, написавший статью о дороге к кладу, зашифрованной в плане парка. Эту статью мне дала Лена Серова, ее муж Денис – редактор этой газеты. Вчера они ко мне приходили, Денис вспомнил последний разговор с погибшим Щегловым, в котором тот говорил об архитекторе Баженове как возможном авторе этого парка. Профессор Громов в заметке к своей гравюре упоминал о какой-то усадьбе на Ладоге. И профессор Громов, и Щеглов писали о том, что все это связано с каким-то тайным обществом, – тараторила я, пытаюсь сказать как можно больше.

– Не с каким-то, а с обществом «Креста и Розы», – спокойно поправил меня Виктор Иванович. – Я уверен, что вы уже знаете, что это за эмблема.

– Да, – ответила я и опустилась на стул.

– Оленька, давайте вспомним те времена, когда вы были моей ученицей и я читал вам лекции. Пойдемте, прогуляемся по залам Эрмитажа. Это часто помогает найти верное решение, – проговорил Виктор Иванович, взяв меня под руку.

– И куда мы пойдем? – как школьница спросила я.

– Терпение, Оленька, – с улыбкой ответил мой учитель. – Если вы хотите разгадать эту загадку, то оно вам понадобится.

Мы спустились на второй этаж и пошли по залам Старого Эрмитажа. Зал Леонардо да Винчи, зал Перуджино и Филиппо Липпи, зал Фра Анджелико, зал Проторенессанса.

– Мы идем к малым голландцам, – через некоторое время

высказала я свое предположение, когда мы прошли зал Рембрандта и зал Яна Стена.

– Вы, как всегда, наблюдательны, Оля. И я надеюсь, что это вам поможет.

Через какое-то время мы вошли в Шатровый зал, построенный по проекту Лео фон Кленца, где находится основное собрание картин малых голландцев.

– Давайте встанем здесь, – предложил Виктор Иванович и подвел меня к вазе, располагающейся в центре зала. – Отсюда нам будет удобнее наблюдать за публикой. Я сейчас буду вашим гидом, Ольга Николаевна. Посмотрите направо, перед вами картина Пауля Поттера «Наказание охотника». Особенность этой работы в том, что плоскость картины разбита на четырнадцать самостоятельных сюжетов, объединенных общей темой. Смысл картины на поверхности, и вы видите реакцию публики, которая стоит перед ней. А теперь посмотрите налево, перед вами три картины не менее известных художников: две работы Франса ван Мириса старшего и одна – Габриэля Метсю. У двух работ сюжет один – угощение устрицами, и вторая картина ван Мириса – «Разбитое яйцо». Вы видите, что публика проходит мимо, только скользит по холстам глазами. Все это происходит потому, что скрытый подтекст этих работ для нас уже недоступен. А для голландца – современника художников эти картины рассказали бы о многом. Разбитая яичная скорлупа в голландской живописи символизировала бесплодие, и, следовательно, эта девуш-

ка плачет совершенно о другом. Так же и устрицы. Предлагать устрицы – это предлагать вступить в любовную связь, так как устрицы в XVII веке считались сильным афродизиаком. Зная скрытую символику картины, вы будете смотреть на нее уже другими глазами.

– Произведения искусства, как вы сами знаете, часто бывают неоднозначны. И для раскрытия тайны вашей находки вам надо будет смотреть на нее с разных точек зрения, которые могут и противоречить друг другу, – продолжал Виктор Иванович, когда мы не спеша пошли обратно к нему в кабинет. – К сожалению, я сам не смогу особенно помочь, так как не являюсь специалистом в тайных учениях. Но с нужным человеком познакомить могу. И на удачу, Ольга Николаевна, он хотел подойти ко мне сегодня после двух.

– Специалист, с которым я хочу вас познакомить, Ольга, – молодой профессор кафедры истории России в нашем университете Олег Александрович Курбатов. Сам он москвич, окончил Московский университет, но уже несколько лет живет в Петербурге, – сказал Виктор Иванович, когда мы вошли в его кабинет. – Главная тема его исследований – история тайных обществ России. Человек он очень увлеченный, и для него самого, я думаю, ваша находка будет небезынтересна.

– Хорошо, Виктор Иванович, я доверяю вашему мнению, – ответила я.

– А сейчас, давайте посмотрим на первый слой вашей на-

ходки. Кто может быть автором этих гравюр, и когда приблизительно они были созданы. До прихода Олега Александровича время есть, – говорил Виктор Иванович, доставая из шкафов различные книги.

Мы углубились в изучение справочников, периодически делая заметки на бумаге, и время в ожидании Олега Александровича пролетело незаметно. Теперь мы могли более или менее основательно вести его в курс дела.

Мы так увлеклись работой, что не заметили, как он вошел в кабинет.

– Извините, Виктор Иванович, кажется я не вовремя – приятным баритоном произнес Олег Александрович, чем сразу расположил к себе.

– Нет, нет Олег Александрович, – стал быстро говорить Виктор Иванович. – Мы как раз готовили материал к вашему приходу.

– Да? – с удивлением спросил он.

– Я думаю, что вам стоит сначала все просмотреть, а потом Ольга Николаевна введет вас в курс событий, – таинственно проговорил Виктор Иванович, представляя нас друг другу.

Молодой профессор подошел к столу, на котором мы разложили гравюры, и стал их рассматривать. По мере просмотра гравюр выражение его лица менялось, и в конце его взгляд напоминал гончую, которая взяла след.

– Господи, откуда это у вас? – только и смог спросить он.

– Все вопросы к Ольге Николаевне, – ответил мой учитель.

И я повторила, под удивленный взгляд нового знакомого, свою историю, опустив только деталь, что третью гравюру я украла из библиотеки Союза архитекторов. Мне не хотелось его этим шокировать. Пока.

– А теперь давайте мы введем вас в курс проблем, – предложил Виктор Иванович. – И расскажем, что нам удалось узнать, исходя из этих материалов.

– Если принимать во внимание статью журналиста Щеглова, – продолжал Виктор Иванович, – а это подтверждается заметкой профессора Громова, в чьей коллекции хранится центральная гравюра, то существует план парка, составленный членом тайного общества, в котором спрятаны сокровища. Щеглов опирался в своей гипотезе на донесения агентов тайной канцелярии. Источник профессора Громова нам неизвестен. В этих же донесениях есть упоминания об архитекторе Василии Ивановиче Баженове. Также известно, что он был масоном.

– Это так, – подтвердил Олег Александрович. – По одной из версий, Екатерина Вторая предала его опале за то, что он хотел ввести наследника престола цесаревича Павла в масонскую ложу.

– Тогда анаграмма VB в восьмиугольнике может быть анаграммой Баженова. Он является одним из предполагаемых авторов Инженерного замка, двор которого в плане имеет

восьмиугольник, – высказала я свое предположение.

Виктор Иванович кивнул в знак согласия.

– А восьмиугольник, с точки зрения символизма, очень интересная фигура, – также кивнув в знак согласия, сказал Олег Александрович, – как и цифра восемь.

– Да? – с удивлением спросила я.

– Восьмиугольник – первая стадия начала превращения квадрата в круг, – стал объяснять профессор, и, что мне понравилось, без назидательно-менторских интонаций. – Если отдельно рассматривать значение квадрата и круга, то квадрат символизирует мужское начало и процессы, проходящие на Земле, а круг – женское и, следовательно, является аллегорией высшего мира. В церковной архитектуре преобразование квадрата в круг или круга в квадрат олицетворяло трансформацию сферической формы Небес в квадратную форму Земли и наоборот. Также во времена Возрождения геометрическая задача квадратуры круга являлась алхимическим символом трудности созидания божественного совершенства из земных материалов. А розенкрейцеры занимались алхимией.

– А цифра восемь, что означает она? – с интересом спросила я, заметив, что и Виктора Ивановича заинтересовал рассказ профессора.

– Кто познал тайну десяти чисел – владеет сокровенными знаниями о первопричине всех вещей, – с воодушевлением продолжал Олег Александрович, видя наш искренний инте-

рес. – Восьмерка является символическим выражением числа бесконечности на Древе жизни. В плане духовного развития восьмерка – это цель посвященного, прошедшего семь ступеней, или Небес, и поэтому восемь – символ обретенного рая, возобновления и совершенного ритма. А также, как круг и квадрат, восьмерка символизирует пары противоположностей.

– Никогда не задумывалась о таких вещах, – честно призналась я новому знакомому, – и не соотносила эти понятия с архитектурой.

Олег Александрович только улыбнулся в ответ.

– Видите, Ольга Николаевна, как я вам и говорил, без специалиста нам не справиться, – после некоторого молчания произнес Виктор Иванович.

– Олег Александрович, вы не против того, что мы втянули вас в решение этой головоломки? – с улыбкой обратилась я к профессору.

– Нет, Ольга Николаевна, честно говоря, я мечтал о чем-то подобном, – ответил мне Олег Александрович. – И приму в этом участие, куда бы это расследование ни привело.

– Тогда вернемся к нашему первому пункту. Кто может быть автором этих гравюр, и когда предположительно они были созданы? – сказал Виктор Иванович, беря в руки центральную гравюру с общим видом партера.

– Пока мы вас ждали, я просмотрел некоторые книги и хочу поделиться с вами своими мыслями, – продолжал Вик-

тор Иванович, отложив в сторону гравюру и взяв листы со своими пометками. – В 1796 году должность профессора при Академии художеств занял известный в то время гравер Клаубер, приглашенный из Аугсбурга. В 1797 году на престол восходит Павел Первый, в этом же году по его указу в Академии художеств создается особый гравировальный ландшафтный класс, который и возглавил наш профессор. Клаубер не только имел много учеников, но и поднял русскую гравюру на небывалую высоту. Но это еще не все: в этот же год вице-президентом Академии художеств Павел назначает Василия Ивановича Баженова, нашего старого знакомого. И я думаю, что это не просто совпадение.

– А мог ли Клаубер быть масоном? – спросила я, глядя на Олега Александровича.

– Такой вариант возможен, – ответил профессор. – Он приехал в Россию из Европы, а там в это время был расцвет тайных обществ. Это коснулось и Американских Штатов.

– В продолжение нашей темы могу добавить, – продолжал Виктор Иванович, – что в 1799 году неожиданно умирает архитектор Баженов. А в ночь с 11 на 12 марта 1801 года по новому стилю, как вы помните, от рук заговорщиков в Инженерном замке погибает император Павел. В это же время в Академии художеств прекращает свое существование особый гравировальный ландшафтный класс, вместо него образуется гравировальный класс, который возглавил ученик Клаубера Уткин, а сам Клаубер исчезает.

– Тогда, исходя из этих данных, мы можем сделать предварительный вывод, что автором нашего таинственного партера мог быть или Баженов, или Клаубер, или кто-то из приближенных учеников, – сказала я, глядя на лист, на котором было увеличенное изображение анаграммы VB в восьмиугольнике.

– Или это результат совместного творчества архитектора и гравера, – высказал свою мысль Виктор Иванович. – И время создания этих гравюр не позднее 1800 года.

После насыщенной беседы мы замолчали. За окнами на город тихо опускались зимние сумерки. На Петропавловской крепости включили подсветку, и ее силуэт сиял на фоне ультрамаринового неба. Мы не заметили, как наступил вечер.

– Ну что же, наш сегодняшний разговор принес свои плоды, – стал подводить итоги Виктор Иванович. – Теперь, молодые люди, вам надо выработать план дальнейших совместных действий.

– А вы разве не будете принимать в этом участие? – с удивлением спросила я своего учителя.

– Оленька, я уже стар для таких приключений, – с улыбкой ответил Виктор Иванович. – Но вы держите меня в курсе событий. И по мере своих сил я буду вам помогать, посмотрю еще кое-какие бумаги.

– Виктор Иванович, мы забыли об одной немаловажной детали: не хватает, судя по главной гравюре, еще двух фрагментов плана, – сказал Олег Александрович, рассматривая

гравюры. – Где они могут быть?

– Это неизвестно, но, может быть, по ходу развития событий мы сможем это выяснить, – ответил Виктор Иванович.

– Тогда, я думаю, пора откланяться, – заметил Олег Александрович.

Я стала складывать наш материал, а также взяла листы с пометками Виктора Ивановича, которые он мне предложил забрать с собой.

Виктор Иванович сказал, что еще немного поработает, так как скоро надо сдавать тезисы доклада к научной конференции, которая будет проходить в Эрмитаже.

– Без этих двух фрагментов, мы вряд ли сможем решить эту головоломку, – проговорила я, когда мы вышли на Дворцовую набережную.

– Это верно. Но кто ищет, тот найдет, – с мужским рационализмом спокойно ответил Олег Александрович.

– Ловлю вас на слове, – улыбнулась я.

Профессор предложил проводить меня до дома, когда узнал, что я живу на Галерной улице, недалеко от Медного всадника.

– Мне еще надо вернуться в университет, но я могу перейти через Неву по мосту-дублеру. При сидячем образе жизни лишняя прогулка не повредит, – пошутил Олег Александрович. – А почему вас заинтересовали эти гравюры, Ольга Николаевна?

– Я закончила архитектурный факультет Академии худо-

жеств и параллельно занималась историей искусства, одним из моих педагогов был Виктор Иванович, но мои родители – архитекторы, и архитектура всегда была мне ближе, – стала рассказывать я. – Архитектором я быть не хотела. Но смогла найти область, которая объединяет и архитектуру, и скульптуру, и живопись – садово-парковое искусство. Этот партер слишком необычен, чтобы я могла его пропустить. А остальное – воля провидения.

– Это верно. Ольга Николаевна, вы не могли бы просветить меня относительно основных моментов, связанных с историей парков? – спросил меня мой спутник.

– Хорошо.

– А почему вы заинтересовались тайными обществами? – через некоторое время задала я встречный вопрос своему собеседнику.

– Запретный плод сладок, – с улыбкой ответил профессор. – Меня всегда привлекали тайны, а что может быть более таинственным, чем тайные общества.

Вскоре мы подошли к моему дому. И я предложила Олегу Александровичу прийти завтра ко мне домой – прослушать краткую лекцию по истории садово-паркового искусства с использованием наглядного материала из моей домашней библиотеки, а также ознакомиться с оригиналами гравюр.

– В три часа вас устроит? – спросила я. – С утра мне надо в издательство по поводу моей книги, а у вас, наверное, лекции.

– Да, устроит. Приятно было познакомиться, Ольга Николаевна, – с галантным поклоном попрощался мой новый знакомый. – До завтра.

Вечером, не спеша поужинав, я решила подготовить материал к завтрашнему приходу Олега Александровича, так как не знала, сколько времени мы будем обсуждать с Надеждой Сергеевной макет книги. Лучше подготовиться заранее.

А так как Денис дал мне время на сбор материалов по Баженову, то я решила пока ему не звонить. Но я не сомневалась, что, если у него появится новая информация, он меня обязательно известит.

На следующий день в одиннадцать часов я уже сидела в кабинете редактора. Макет книги был полностью готов, и к двенадцати часам, когда с Петропавловки раздается выстрел пушки, извещающий горожан, что в Петербурге наступил полдень, мы с Надеждой Сергеевной пришли к единогласному решению, что книгу можно отправлять в типографию.

– Ну что же, Ольга Николаевна, я думаю надо уже договариваться с секретарем секции ландшафтной архитектуры Союза архитекторов о проведении презентации вашей книги. Если в типографии не будет задержек, то в марте книга выйдет в свет, – говорила Надежда Сергеевна, положив руки на макет книги.

– Хорошо, – ответила я, испытывая удовлетворение от то-

го, что работа наконец-то завершена. – На днях зайду в Союз, чтобы секретарь внесла презентацию в план мероприятий секции в апреле.

Выйдя из редакции, я решила купить бутылку шампанского, чтобы вечером отметить это событие. Тогда надо позвонить Серовым и пригласить их. Сказано – сделано. По дороге домой я зашла в элитный винный магазин на Конногвардейском бульваре за шампанским, а также заскочила в магазинчик под площадью Труда купить кошачий паштет – Ромео тоже заслужил праздник. И сделав круг по набережной, к двум часам была дома.

Олег Александрович оказался человеком пунктуальным, так как ровно в три часа раздался звонок домофона. Я пошла открывать дверь под удивленный взгляд Ромео, который спрыгнул с дивана и сел посреди комнаты.

– Добрый день, Ольга Николаевна. Как прошла встреча в издательстве? – поинтересовался мой гость, снимая пальто.

– Книга пошла в типографию, – ответила я, радуясь, как ребенок.

– Поздравляю, это всегда приятное событие, – с улыбкой сказал профессор, краем глаза, чтобы было не очень заметно, разглядывая мое жилище.

– Проходите в комнату, я уже приготовила материал, – проговорила я, пропуская Олега Александровича вперед.

– Какой у вас кот, – с восхищением сказал профессор,

смотря на Ромео, сидящего на середине комнаты, как египетское изваяние, и не спускавшего своих сапфировых глаз с вошедшего незнакомца.

– Это мой доморощенный философ Ромео. Кофе? – предложила я.

– Да, не откажусь, – ответил он, беря в руки книгу В. Я. Курбатова «Всеобщая история ландшафтной архитектуры».

– А я по натуре собачник, – продолжил Олег Александрович.

– У меня до Ромео были две собаки, последняя, Джон, прожила пятнадцать лет, – ответила я, разливая нам кофе. – Но собака требует большего внимания, чем кошка. Коты более независимы.

– Это верно, – согласился профессор. – Поэтому сейчас я не могу завести пса, все время забирает работа.

И пока пили кофе, мы вспоминали забавные истории из жизни наших четвероногих питомцев, что помогло сгладить неловкость от первых минут общения.

– Вы хотите сначала посмотреть оригиналы наших гравюр или прослушать лекцию, – спросила я Олега Александровича, убирая со стола посуду, чтобы освободить место для книг.

– А давайте мы попробуем это совместить, – предложил мой собеседник, выкладывая на оставшееся свободное место на столе наш материал.

– Согласна.

– Мы начнем наше путешествие по истории садов и парков с XII–XIII веков, когда в Европе появились первые регулярные сады при монастырях, – начала я свой рассказ. – Хотя садово-парковое искусство зародилось еще во времена первых фараонов Древнего Египта, мы не будем затрагивать этот временной пласт. Если вы захотите ознакомиться с этим периодом, то могу порекомендовать книгу Ожегова «История ландшафтной архитектуры». Начнем с того, что ближе к нашим находкам.

Олег Александрович кивнул, соглашаясь.

– Монастырские сады были трех типов. Первый тип – сад в ограде монастыря, декоративно-символический по своему характеру. Второй тип – так называемые хозяйственные сады, которые включали в себя огороды и фруктовые посадки. И третий тип – сад за оградой, связанный с представлением о Священной роще, – продолжила я свой рассказ, одновременно раскрывая книги на нужных мне страницах. – Композиция сада отражала христианские символы. Сад в ограде монастыря, так называемый «Сад ограждений», символизировал изолированность от греха и спасение. Ограда сада – это охрана от греха, а также являлась символом небесной чистоты. Сад имел прямоугольную или квадратную форму, по главным осям проходили крестообразные аллеи, в центре пересечения располагался фонтан, который символизировал жертвенность жизни Христа, или розовый куст – символ Бо-

гоматери. Позже распространенным элементом сада стал лабиринт, символизирующий крестный путь Христа, до этого первоначально изображавшийся только на полу храмов.

Сказав это, я замолчала, уставившись на нашу гравюру.

– Да, крест и роза, – произнес Олег Александрович, озвучивая мою мысль.

– Это только подтверждает мою догадку, – через некоторое время сказала я, пытаюсь собраться с мыслями.

– Какую?

– Автор наших гравюр был знаком с символикой средневековых садов. В том числе с гравюрами дю Серсо, – проговорила я, перелистывая книгу, чтобы показать эти гравюры Олегу Александровичу.

– А в чем их особенность? – спросил меня профессор.

– Большая часть замковых садов XVI века не сохранилась. Но мы можем представить, как они выглядели, по гравюрам Жака Андруэ дю Серсо. Эти сады располагались на территории замка, но также имели свои стены. По контуру сада шла рядовая посадка деревьев. Партер имел прямоугольную форму, и его границы отмечались стриженным буксом. Внутри партера из декоративных цветов создавался сложный геометрический рисунок. В центре пересечений аллей располагались фонтаны или скульптуры. Все это мы видим на наших гравюрах. Но что это может означать, я не знаю.

– А разве нет книг, в которых описывается символика партеров? – с удивлением спросил меня Олег Александрович.

– К сожалению, нет, – с грустью ответила я. – В основном архитекторы-исследователи анализируют планировку исторического регулярного сада, обращают внимание на структуру плана, композиционную взаимосвязь элементов, а также на особенности визуального восприятия сада с различных точек. Аллегория и символизм сада, как правило, не рассматривались в их исследованиях. И поэтому философско-символические особенности садов нам сегодня не понятны. Мы многое забыли из прошлого и воспринимаем сейчас только то, что доступно нашему восприятию.

– Да, с этим я согласен, – сказал Олег Александрович.

– Но, на наше счастье, до нашего времени сохранился, правда, в отреставрированном виде, сад Вилландри. В нем можно выявить характерные черты садов французского Возрождения, на которые оказали влияние как замковые сады XVI века, так и сады итальянского Возрождения. А аллегория символов Вилландри достаточна, проста и доступна нашему восприятию.

– Хорошо, рассмотрим то, что доступно нам на данный момент, – философски заметил профессор и приготовился слушать дальше мой рассказ.

– Итак, замок Вилландри в первой половине XVI века принадлежал министру финансов короля Франциска I, Жану Бретону. В 1754 году его покупает маркиз Каstellане, посол Людовика XV, и разбивает сад с террасами в классическом духе. Но в начале XX века замок Вилландри покупает

известный ученый – доктор Иохим Карвалло и восстанавливает сад в стиле замковых садов французского Возрождения. Сад Вилландри... – только я перешла к самой интересной части рассказа, как была вынуждена прерваться из-за телефонного звонка.

– Извините, – сказала я и сняла трубку. Звонил Денис.

– Хорошо, что ты позвонил. Я собиралась вам звонить и пригласить на ужин, – произнесла я, но Денис меня перебил и стал быстро тараторить.

– Повтори еще раз, – попросила я его, не замечая, что от волнения стала ходить по комнате кругами. – Хорошо, буду вас ждать, – ответила я Денису и отключила телефон.

Олег Александрович с удивлением смотрел на меня.

– Не знаю, как сказать. Это звонил Денис Серов, это он дал мне газету со статьей Щеглова, и он же рассказал, что Щеглов незадолго до своей гибели говорил об архитекторе Баженове как возможном авторе парка, – стала я объяснять. – Так вот, придя сегодня на работу, он взял почту у вахтера, так как секретарь болеет. Среди писем был пакет на имя погибшего Щеглова. Письмо без обратного адреса, и он, пока никто не видел, положил его в карман. Но вскрыть его он смог только сейчас – сидел на совещании у главного. В конверте находился диск без каких-либо надписей. Ему удалось его открыть, и на диске, как он говорит, записано изображение какой-то гравюры. На ней символы и эмблемы с надписями. Он хочет прийти, чтобы я посмотрела.

– Вы думаете, что это может быть изображение части нашего партера? – спросил Олег Александрович.

– Боюсь сглазить, но возможно, – ответила я. – Денису не дает покоя смерть Щеглова. Он просил меня покопать по Баженову, да и вряд ли простая гравюра его заинтересовала бы.

– Почему?

– Его жена Лена – художник-график, работает в технике офорта и акватинты. У него наметанный глаз, и гравюрой, даже очень старой, его не удивишь, – объяснила я Олегу Александровичу.

– А в чем различие между офортом и акватинтой? – поинтересовался мой собеседник.

– Рисунок в офорте выполняется иглой по листу металла, покрытого специальным грунтом. Это может быть медь, цинк или сталь. После этого доска протравливается кислотой, грунт смывается, и после нанесения краски изображение печатается на станке. Тональность в офорте достигается за счет глубины травления штриха. А в акватинте после травления линейного рисунка наносится канифоль, которая плавится на огне. И тональность достигается за счет глубины травления плоскости, покрытой канифолью. С одной доски можно сделать до ста оттисков. Но некоторые художники, например Рембрандт, печатали всего несколько листов, иногда два или три. Наши гравюры выполнены в технике офорта.

– С этим ясно. А что касается третьей части, скоро мы

будем знать точно, так это или нет, – заметил профессор. – Вы сможете позвонить мне сегодня вечером?

– Обещать не буду, – честно призналась я. – Серовы могут уйти от меня и в два часа ночи. Это в порядке вещей. Особенно если Денис придет с работы в десять вечера. Но я могу послать вам сообщение на мобильный.

– Хорошо, а то я не засну, – с шуткой произнес Олег Александрович.

– До вечера еще есть время, и мы можем продолжить наш экскурс в историю садов и парков, – предложила я.

Он кивнул головой в знак согласия, как примерный ученик.

– Сад Вилландри состоит из четырех различных по своему художественному решению, функциональному назначению и образной символике садов. Сады различаются также и своими размерами, – продолжила я прерванный телефонным звонком рассказ. – Сам замок располагается в северо-восточном углу участка, и перед его южным фасадом разбит Сад любви. Сад состоит из четырех квадратных партеров, каждый из которых символизирует определенный тип любовных переживаний. Первый партер – это «Нежная любовь»: четыре символических сердца, разделенные пламенем любви, и в центре четыре бальные маски, которые позволяли вести беседы на фривольные темы. Следующий партер – «Страстная любовь», двенадцать мелких цветников треугольной формы в переплетении образуют сложный рит-

мичный рисунок, напоминающий танцевальные движения. Третий партер – «Любовь непостоянная», в углах партера расположены четыре веера, символизирующие легкость чувств, между веерами изображены стилизованные рога, а в центре брошены обрывки любовных посланий. И последний партер – «Любовь трагическая»: из красных цветов по сторонам квадрата выложены четыре стилизованных лезвия как символ поединка на почве ревности. Также на этой террасе, южнее Сада любви, располагается партер с изображением в центральной части Мальтийского креста, справа от него – контур креста провинции Лангедок, а слева – провинции Басков. Далее с западной стороны находится Огород почти квадратной формы, разделенный пересекающимися аллеями на девять квадратных партеров-грядок. С юга к Огороду примыкает Сад музыки, где в рисунке партера условно изображены символические арфы и лиры. Это, наверно, и все, что касается сада Вилландри.

– Какие еще партеры существовали на тот период? – спросил меня Олег Александрович, после того как я закончила свой рассказ.

– Наиболее раннее сохранившееся изображение партера приведено в аллегорическом романе *Hypnerotomachia Poliphili*, изданном в Венеции в 1499 году, – ответила я на вопрос профессора, раскрыв журнал «Реликвия», в котором было приведено изображение этого партера. – «Гипнеротомахия Полифила» переводится с латыни как «Борьба Поли-

фила за любовь во сне». Книга представляет собой энциклопедию и научное исследование, охватывающее все темы – от архитектуры до философии, замаскированное под любовный роман. Кроме этого партера в ней приведены четыре лабиринта: в храме, в саду, в воде и под землей. А также гравюры, имеющие скрытый аллегорический символизм. Сам текст написан на семи языках: латыни, итальянском, греческом, древнееврейском, халдейском, арабском, и есть даже египетские иероглифы. Но вернемся к нашему партеру, где рисунок образован неширокими полосами различных цветов и декоративных трав, их виды отмечены цифрами.

– Так-так, а это уже нечто интересное, – проговорил Олег Александрович, внимательно изучая рисунок.

– Да?

– Если рассматривать этот партер с точки зрения символов, – стал объяснять мне Олег Александрович, – то только на поверхности здесь три уровня. Вот смотрите: первый уровень – это круг, вписанный в квадрат. В каббалистической традиции круг, вписанный в квадрат, символизирует искру Божью в бренном теле, а также переход из материального мира в духовный. Второй уровень – квадрат, вписанный в квадрат, причем внутренний квадрат упирается углами в стены наружного. Фигура мистическая, символизирует, что человек, пока жив, никогда не может «пробить» стены квадрата. Но если человек становится одухотворенной личностью, он раздвигает внутренним квадратом стены внешнего, то есть,

раздвигая рамки, он наполняет их новым содержанием. Третий слой – это квадрат, вписанный в квадрат, причем он повторяется дважды. Символизирует порядок. Это основной принцип порядка всех вещей, которыми мы окружены.

Я сидела и слушала объяснения Олега Александровича, как замороженная.

– Выходит, что в этом партере зашифровано целое послание?

– Выходит, да.

– А что обозначают эти переплетения? – спросила я.

– Сразу же сказать не смогу, надо покопаться в справочниках, – признался профессор. – Но скорее всего они чисто декоративные.

– Ясно, – немного печально сказала я, потому что мое любопытство не было до конца удовлетворено.

– И в завершение нашей лекции приведу в качестве примера еще несколько изображений партеров на тот период. Это рисунок партера выполненного Серлио в 1537 году. Как видите, он имеет строго геометрические формы. А это уже партеры из книги Феррари De Florum Cultura, изданной в 1633 году. В XVII веке рисунок партеров начинает принимать более сложные формы. Также очень интересны рисунки партеров Саломона де Коса, французского архитектора XVII века, работавшего по всей Европе. Сохранилась гравюра, на которой в сложном рисунке партера присутствуют символ королевской власти – корона, а также надпись на ла-

тыни.

– У них действительно, как вы говорите, одна композиционная схема, – проговорил Олег Александрович, внимательно прослушав мой рассказ.

– Расцвет строительства регулярных садов приходится на XVII и первую половину XVIII века, когда под влиянием творчества Андре ле Нотра во всех европейских государствах создавались загородные резиденции с обширными садами и парками. Сады строились по строгим правилам и должны были отвечать даже в малых своих деталях господствующим эстетическим нормам. Только строгий геометрический порядок мог выделить среди окружающей естественной природы творение рук человеческих, – закончила я свою лекцию. – На смену регулярным садам пришли пейзажные парки, но это уже другая история.

– Спасибо, Ольга Николаевна, – сказал Олег Александрович после некоторого молчания. – Общее представление о садах того времени у меня теперь есть.

– Это так, – кивнула я в знак согласия. – Но наша находка, хоть и вписывается в общую схему по композиционным принципам, в остальном же не вписывается никуда.

– Тем интереснее будет разгадать тайну этого партера, – произнес мой собеседник, опять взяв в руки репродукцию главной гравюры. – Нам надо наметить другие направления нашего расследования.

– Согласна... – начала я говорить, но была вынуждена

остановиться, так как раздался звонок домофона.

Я посмотрела на часы – было еще только семь часов вечера.

– Кто это может быть? – с удивлением проговорила я, направляясь в прихожую. – Для Серовых еще рано.

Идя к двери, я обратила внимание, что Олег Александрович стал собирать наши гравюры и положил их в папку.

Но я ошиблась, это пришли мои друзья.

– Слушай, Оль, что такого раскопал сегодня мой благоверный, – прямо в дверях стала тараторить Лена. – Прибежал с работы раньше времени и бегом к тебе.

– Мы, похоже, не вовремя? Ты занята? – спросил меня Денис, увидев на вешалке пальто профессора. – Надо было позвонить.

Я не знала, что ответить, и тут на помощь мне пришел Олег Александрович.

– Нет, мы уже закончили, и я ухожу, – произнес он, направляясь в прихожую.

Пока в дверях возникла заминка, я взяла папку с гравюрами и быстро положила ее в книжный шкаф. Убирая гравюры на верхнюю полку, я заметила легкий кивок профессора, означающий, что он согласен с моими мерами предосторожности. Серовы хоть и были моими друзьями, но Денис в первую очередь журналист, и если он почувствует сенсацию, то вряд ли сможет противостоять искушению все это опубликовать. А нам с Олегом Александровичем реклама в этом

расследовании была не нужна.

Ребята прошли в комнату, где им навстречу сразу же выскочил Ромео, до этого все время проспавший на диване.

– Спасибо, Ольга Николаевна за консультацию, – официальным тоном проговорил профессор, надевая пальто.

– Не за что, – так же ответила я и тихо добавила: – Вечером пошлю вам сообщение.

– До свидания, – сказал Олег Александрович и подмигнул, так что я чуть не засмеялась.

Как только я закрыла входную дверь, Лена пулей вылетела в прихожую и бультерьером вцепилась в меня:

– Кто этот импозантный красавец? Колись.

– Это профессор нашего университета Курбатов. Виктор Иванович попросил помочь, проконсультировать по поводу некоторых парков, – глядя на Лену честными глазами, ответила я.

Мой ответ показался ей убедительным, так как на столе все еще лежали раскрытые книги.

– Твой Виктор Иванович решил стать свахой, – не унималась моя подруга. – Я думаю, он неспроста попросил именно тебя проконсультировать этого профессора.

Я молча пожала плечами – что еще можно было сказать?

– Лен, перестань. Сначала займемся делами, – резко сказал Денис, включая мой ноутбук.

Тут я сама вспомнила, ради чего пришли мои друзья, и, подойдя к Денису, с нетерпением стала следить за его мани-

пуляциями.

– Оль, у тебя принтер подключен? – спросил меня Серов, вставляя диск.

Я кивнула в ответ, доставая бумагу и вставляя ее в принтер.

– Мы сначала скопируем файл на твой комп, а потом распечатаем, – продолжал Денис. – У тебя стоит фотошоп? Может понадобится чистка. Я не мог долго рассматривать эту вещь, чтобы не привлечь внимание.

Я с волнением ожидала, когда раскроется файл и появится само изображение. Это был момент истины. И мне почему-то казалось, что Олег Александрович думает сейчас о том же самом – нашли мы третью часть партера или нет? И ждет моего сообщения.

– Что вы там надеетесь найти? – скептически заявила Лена, поглаживая Ромео, который сразу же после ее прихода потерял интерес к моим находкам. – Карту к сокровищам? Я не верю в эту чепуху.

Не выдержав, я пошла на кухню – положить шампанское в морозилку и достать продукты, чтобы приготовить ужин. Лена пошла за мной в сопровождении своего хвостатого телохранителя.

– Все пошло, я включаю печать, – крикнул Денис. – Идите сюда.

Выдохнув, я подошла к столу и взяла лист.

«Ну здравствуй!» – мысленно сказала я третьей части на-

шего партера.

Пока мои друзья с явным непониманием разглядывали гравюру, я соображала, как мне выкрутиться из данной ситуации. Говорить правду я не могла, а врать мне не хотелось.

– Ну, Оль, что ты по этому поводу думаешь? Что это такое может быть? – спросил меня Серов.

– Это офорт, и время его создания не позднее начала XIX века. А что касается самого изображения со всеми надписями и символами, то это полный бред, – высказала свою мысль Лена, видя мое молчание.

И тут я мысленно чертыхнулась: как я могла забыть поразившую меня фотографию партера, которую я видела месяц назад в одном из журналов, посвященном ландшафтной архитектуре. Этот партер находится на территории испанского монастыря Сан-Лоренцо де Трасуто, а сам монастырь принадлежит ордену францисканцев. Партер состоит из мистических символов, выстриженных из самшита, и предположительное время его создания XV век.

EBT 2010

«Надо не забыть рассказать об этом партере Олегу Александровичу», – подумала я, а вслух сказала:

– Это план партера, но что обозначают все эти символы, я не знаю.

– Подожди, подожди, где-то я уже видел один символ, – стал быстро говорить Денис. – Оль, ты не выбросила газету со статьей Щеглова?

– Нет.

«Денису в наблюдательности не откажешь. Журналист есть журналист», – мысленно сказала я сама себе, протягивая газету Серову.

– Так я и думал, – радостно проговорил Денис, указывая нам на эмблему ордена розенкрейцеров, красующуюся рядом с заголовком. – Вот он!

– Значит, Щеглов нашел не только письма, но и план, – решила я высказать свое мнение. – Но кто послал ему этот диск?

– Выяснить это нереально, диск без единой надписи, – ответил Серов. – Если бы это прислали по Интернету, то шанс бы был.

– Во всяком случае, это уже что-то, – с искренней радостью сказала я. – Теперь нам есть от чего отталкиваться дальше.

– Оль, это может быть работой Баженова? – спросил меня Серов.

– По-моему, вы занимаетесь полной ерундой, – не унималась Лена.

– Не знаю. Возможно, – уклончиво ответила я на вопрос Дениса. – Раньше ни с чем подобным я не сталкивалась.

– Но ты все-таки покопай по Баженову, – попросил Денис. – Видно, не зря Щеглов им заинтересовался. А я покопаю в другом направлении.

– В каком? – спросила я, чувствуя, что запахло жареным.

– Пока точно не знаю, – загадочно, как истинный журналист, проговорил Серов.

– Что ты хочешь найти? – не унималась я. – Ведь, кроме статьи с сомнительной ссылкой на письма из Публички и не менее сомнительной гравюрой неизвестного автора, у тебя ничего нет.

– Я чувствую, что за всем этим что-то скрывается, – упрямо ответил Серов, начиная заводиться.

– Так, ребята, хватит, – грозно проговорила Лена, появившись в дверях с шампанским и фужерами для нашего усмирения. – Перестаньте играть в тайны мадридского двора, а то шампанское превратится в лед, а я в пламя.

– Ладно, на сегодня тайм-аут, – примирительно сказал Денис и стал открывать шампанское.

«Поживем – увидим», – философски подумала я, убирая со стола книги и приготавливая посуду для ужина.

Первый бокал мы подняли за мою книгу. После этого все остальное время за ужином мы с Леной вспоминали смеш-

ные моменты из нашей академической жизни и курьезные случаи на открытиях ее выставок. А в конце вечера, когда мы перешли к кофе с коньяком, Денис стал рассказывать страшилки из жизни их редакционного полтергейста. Разошлись мы, как я и предположила, уже во втором часу ночи под уверения Лены, что после таких страшилок мы спать не будем.

Сразу же, как только за моими друзьями закрылась дверь, я взяла мобильник и послала сообщение Олегу Александровичу: «Это третья часть. Ура!»

После этого я села за компьютер, чтобы обработать и распечатать третью часть нашего партера, так же как и все предыдущие. Денис предусмотрительно диск забрал с собой, но у меня остался файл, который он мне скопировал. Распечатав листы и положив их в общую папку, я пошла спать, думая о том, что завтра надо с утра позвонить Олегу Александровичу и, главное, начать сбор материалов по Баженову.

Но Олег Александрович меня опередил, позвонив в десять часов:

– Доброе утро. Я вас не разбудил?

– Нет, что вы, – вежливо ответила я, стараясь не зевнуть в трубку.

– Как прошел вчерашний военный совет? – поинтересовался профессор. – Кто послал Щеглову этот диск?

Встав с кровати, я пошла на кухню, чтобы сварить себе кофе, по дороге рассказывая Олегу Александровичу о собы-

тиях вчерашнего вечера.

– Серов обратил внимание, что на гравюре и в статье Щеглова изображена одна и та же эмблема, – закончила я свой отчет. – А также он собирается заняться своим расследованием, но в каком направлении – не сказал.

– Ничего страшного, – успокоил меня собеседник. – Мы пойдем своим путем. Его изыскания нам вряд ли помешают, а пригодиться могут.

– Может быть, и так, – с сомнением ответила я. – Хочу сегодняшний день посвятить нашему старому знакомому – архитектору Василию Ивановичу Баженову.

– Хорошо, – согласился Олег Александрович. – Я, в свою очередь, займусь историей масонства.

– А также мне надо передать вам экземпляр гравюр, – в заключение разговора сказала я. – Пусть они будут у вас под рукой. Так легче работать.

– Согласен, – ответил профессор. – До связи.

– До свидания, – попрощалась я и отключила трубку.

В течение всего телефонного разговора я стояла у окна и смотрела на снежинки, которые медленно кружились и тихо опускались на землю с белесо-серого неба. На улице был легкий мороз, и я решила, что такая погода подходит для вдохновляющей прогулки, перед тем как сесть за компьютер.

Выйдя из дома, я не спеша шла вдоль Невы по направлению к Летнему саду, так как через него хотела выйти к одно-

му из сохранившихся творений архитектора Василия Ивановича Баженова – Инженерному замку. Первоначальное название замка было Михайловским в честь церкви архангела Михаила. Он был построен в 1797–1800 годах по распоряжению императора Павла I, принимавшего активное участие в разработке его проекта, у южной границы Летнего сада. Раньше на этом месте находился Летний дворец Елизаветы Петровны, построенный по проекту Бартоломео Растрелли. В этом дворце 20 сентября 1754 года по старому стилю будущий император Павел I и появился на свет.

Со всех сторон замок окружала вода – Мойка, Фонтанка и глубокие рвы с подъемными мостами. Позже рвы были засыпаны, и их восстановили несколько лет назад после полной реставрации всего здания. Создавая неприступную крепость, Павел надеялся найти за ее стенами спасение от своих противников, но его надеждам не суждено было сбыться. Он был убит заговорщиками именно в Михайловском замке в ночь на 12 марта 1801 года.

Инженерный замок характерно отличается от остальных памятников петербургской архитектуры. Имеющий в плане квадрат с внутренним восьмиугольным двором, он поражает своей мощью. Северный фасад, выходящий к Летнему саду, с тяжелым аттиком и легкой колоннадой входа, поддерживающей балкон. Широкая лестница украшена статуями Геркулеса и Флоры. Южный фасад здания, который является главным, выходит на площадь, во времена Павла называе-

мой площадью Коннетабля. Центральная часть фасада спроектирована в виде массивного портика, облицованного мрамором, а портал въезда во двор, как невозмутимые стражи на часах, фланкируют обелиски, тесно прижатые к стене.

Я стояла у памятника Петру I, автором которого является Б. К. Растрелли, отец знаменитого зодчего эпохи барокко, и смотрела, как в наступающих сумерках постепенно загорается подсветка Инженерного замка. Пора было возвращаться домой и садиться за компьютер: я решила подать материал об архитекторе Баженове для Олега Александровича и Дениса в виде краткой статьи.

«Баженов Василий Иванович, художник-архитектор, родился 1 марта 1737 года в семье церковника одной из придворных кремлевских церквей. На природный талант Баженова к искусству обратил внимание архитектор Дмитрий Ухтомский, который принял его в свою школу. Из школы Ухтомского Баженов перешел в Императорскую академию художеств, где стал первым пенсионером, отправленным ею за границу для продолжения образования в 1759 году. Еще во время обучения в Академии архитектор С. И. Чевакинский сделал его своим помощником при проектировании им Никольского морского собора (Баженов считается автором колокольни Никольского собора). В Париже поступил в ученики к архитектору Дювалю, в мастерской которого выполнил несколько макетов, в том числе Луврской галереи в Париже и собора св. Петра в Риме. Также изучал труды римско-

го архитектора Витрувия. Вернувшись в Россию, Баженов, живя в Москве, выполнил полный перевод 10 томов теоретических трудов Витрувия, напечатанный в 1790–1797 годах в Петербурге.

В 1765 году по заданию Академии художеств на соискание звания профессора Баженов выполнил проект Екатерингофского дворца и парка, но был оставлен в звании академика, которое получил тремя годами ранее. После этого Баженов берет увольнение с академической службы и поступает в артиллерийское ведомство главным архитектором к князю Г. Г. Орлову.

В конце 60-х годов проектирует и строит здание Арсенала в Петербурге и разрабатывает оставшийся неосуществленным проект Смольного института.

В 1767 году Баженов направлен в Москву для работы над проектом Кремлевского дворца. Но по приказу императрицы Екатерины Второй начатое строительство было остановлено.

Та же судьба постигла и дворцово-усадебный комплекс в Царицыне, который Баженов начал проектировать в 1775 году. Строительство дворца было остановлено в 1785 году, и на должность Баженова был назначен архитектор М. Ф. Казаков (ученик Баженова).

В этот период Баженов выполняет большое количество частных заказов, которые далеко не все сохранились до нашего времени. Наиболее известный из них дом Пашкова в

Москве.

В 1792 году Баженов вновь принят на службу в адмиралтейств-коллегию и возвращается в Петербург. В этот период он работает над дворцово-парковым комплексом Каменного острова для цесаревича Павла.

Последней крупной работой Баженова стал проект Михайловского замка, который был им не завершен по причине болезни и смерти, наступившей 2 августа 1799 года».

– Краткость – сестра таланта, – сказала я Ромео, лежащему рядом с компьютером, перечитав набранный текст.

После этого включила принтер, чтобы его распечатать, а также сделать еще один экземпляр гравюр для Олега Александровича. На своем экземпляре статьи я отметила моменты, на которые хотела обратить внимание профессора: первый – время нахождения Баженова за границей, а второй, на мой взгляд, весьма важный – стилистическое сходство дворца в Царицыне с усадьбой на нашей гравюре.

Так как было еще не очень поздно, я решила позвонить Олегу Александровичу и договориться о встрече.

– Добрый вечер, Олег Александрович, я вас не отвлекаю? – спросила я после того, как он снял трубку.

– Нет, Ольга Николаевна, – ответил профессор. – Просматриваю источники по нашему вопросу. – А как ваши дела?

– Я подготовила краткую справку по нашему архитектору и распечатала экземпляр гравюр для вас. Так что могу вам

их отдать.

– Хорошо. Если вы завтра вечером свободны, то мы могли бы встретиться и обменяться информацией, – предложил Олег Александрович.

– Согласна, – ответила я. – Если вас устроит, то можно встретиться у меня.

– Устроит. К шести я могу быть уже у вас.

– Хорошо. Буду ждать, – сказала я.

Отключив телефон, я сладко потянулась.

– Ну что, Ромео, надо поужинать, – проговорила я коту, беря его на руки. – Гостей у нас сегодня не предвидится, так что ужинать будем вдвоем.

Он, обрадованный таким предложением, прыгнул на пол и вальяжно направился на кухню.

На следующий день в девять утра меня разбудил телефонный звонок.

– Оль, у тебя все в порядке? – неожиданно спросила меня Лена.

– Да, конечно, – не понимая, о чем она говорит, спросонок ответила я. – А что случилось?

– Не знаю, – честно призналась она. – Денис позвонил с работы и попросил меня позвонить тебе и узнать. Извини, что разбудила. Он после всех событий стал каким-то мнительным, везде мерещится опасность.

– Ничего страшного, мне все равно уже надо вставать. Ты

сама не волнуйся, – стала успокаивать я подругу. – Будешь звонить Денису, передай, что я подготовила краткую справку по Баженову.

– Хорошо, – сказала она. – Вечером созвонимся.

– Договорились, – согласилась я и повесила трубку.

Волнениям Дениса я не придала тогда большого значения.

День обещал быть суматошным, с кучей хозяйственно-бытовых хлопот, которые надо было успеть завершить к приходу Олега Александровича, то есть к половине шестого. Но тайна наших гравюр так захватила меня, что я не могла дожидаться прихода профессора и постоянно смотрела на часы. С грехом пополам выполнив намеченные дела, я к шести часам успела сервировать поднос для кофе и вскипятить чайник. Услышав звонок домофона, я поставила поднос на стол и пошла открывать дверь.

– Добрый вечер, Ольга Николаевна, – с улыбкой сказал Олег Александрович, протягивая мне коробку с пирожными из «Севера».

– Здравствуйте. Раздевайтесь и проходите. И спасибо, – ответила я, направляясь к столу, чтобы разложить пирожные. – Кофе уже готов.

Сев за стол, профессор положил рядом с собой исписанные мелким почерком листы.

– Это ваши заметки, – с уважением проговорила я, оценив проделанную им работу.

– Только часть, – ответил мой гость, беря в руки приготовленный для него экземпляр гравюр и статью про Баженова. – Если вы не возражаете, я бы хотел сначала прочитать вашу статью.

– Не возражаю, – ответила я, разливая кофе. – Так как точно такой же экземпляр подготовлен и для Дениса, то там поэтому указаны не все моменты.

– Ясно, – проговорил Олег Александрович. – Тогда я постараюсь прочесть побыстрее.

Пока профессор читал статью, я положила рядом с собой монографию Курбатова «Всеобщая история ландшафтного искусства», листы автотипий из альбома «Постройки архитектора Баженова» под редакцией Е. А. Белецкой и свой экземпляр гравюр.

– Это я прочитал, – сказал Олег Александрович, откладывая в сторону мою статью. – Это наводит на определенные размышления, но сначала о моментах.

– Во-первых, Баженов в течение пяти или шести лет жил в Париже, – начала я высказывать свои соображения, беря в руки Курбатова. – И как написано у Курбатова, «Баженов был одним из величайших представителей высшей фазы барокко, то есть эпохи, стоящей уже на границе классицизма. Ее нужно назвать или переходной, или, как принято называть, несмотря на всю нелепость термина, – классическим барокко. Во Франции она характеризуется стилем Людовика XVI, а в зодчестве – работами Габриеля. Баженов близок к

последнему и, подобно последнему, обладал настоящим мастерством, допускающим применение каких угодно форм. Мало того, Баженов как масон мог познакомиться еще во Франции с преклонением перед готической архитектурой, частично сохранившимся в этой стране, частично вновь возрожденным под влиянием масонства и романтизма».

– Отсюда вытекает второй момент, – продолжала я, отложив Курбатова и раскладывая перед Олегом Александровичем автотипии с видами усадьбы в Царицыне и гравюру с общим видом нашего партера. – Если сравнивать эти здания, то налицо стилистическое единство в решении фасадов. Тогда можно предположить, что автором этой таинственной усадьбы является Василий Иванович Баженов. А также можно предположить, что он стал масоном, еще находясь во Франции.

– Да, я с вами согласен, – проговорил профессор, после того как я замолчала. – И тогда понятно его серьезное изучение трудов Витрувия.

– В каком смысле? – спросила я с интересом. – На трудах Витрувия училось не одно поколение архитекторов.

– Это так, – продолжал Олег Александрович. – Но мало кто знает, что Витрувий был членом тайного братства Дионисийских архитекторов.

– Никогда не слышала о таких, – честно призналась я и приготовилась слушать моего собеседника.

– Дионисийские архитекторы были наиболее почитаемым

братством мастеров и ремесленников в Древнем мире, – начал свой рассказ профессор. – Членами братства были исключительно посвященные в культ Вакха-Диониса, которые отдавали свою жизнь строительству и искусству украшения. Владеющие священными знаниями архитектоники, они проектировали и возводили общественные здания и монументы и поэтому считались мастерами – обустроителями земли. Дионисийские архитекторы очень тщательно хранили секреты своего мастерства. Братство распространилось по всему региону Малой Азии и с возникновением Римской империи проникло в Центральную Европу и в Англию. Наиболее известным представителем дионисийцев является Витрувий, который в своих трудах описывает принципы симметрии, выводимые из пропорций, лежащих в основе человеческого тела и применяемых в архитектуре. Их целью было возведение зданий гармоничных, как сама вселенная. Несмотря на то что по своим философским принципам дионисийцы были язычниками, они принимали участие в возведении ранних христианских аббатств и соборов. Свои строительные инструменты – циркуль, угольник, линейку и деревянный молоток – они вырезали на барельефах церквей. На порталах собора Нотр-Дам, уничтоженных во времена Французской революции, были высечены изображения розенкрейцерских и масонских эмблем, а также, согласно записям из алхимических трактатов, на них были нанесены процессы превращения металлов.

Олег Александрович прервал свой рассказ, чтобы перевести дух. Я сидела, не шелохнувшись, и, видя мой искренний интерес, он поспешил продолжить повествование:

– И в заключение можно сказать, что Дионисийские архитекторы рассматривали человеческое общество как грубый и необработанный камень, добытый из каменоломен природы, и считали его объектом приложения труда каменотесов. Мистики освобождают свои души от уз материи. Философы ищут радость в глубинах мысли. А мастера-ремесленники освобождались от колеса жизни, научившись стучать своими молотками в унисон с ритмом Космоса, почитая Божество в лице Великого архитектора и Мастера-ремесленника, который добывает грубые валуны в пространстве, обтесывает их и творит Вселенные.

– Да, – только и смогла сказать я, после того как профессор закончил рассказ. – Баженов был истинным последователем Дионисийских архитекторов. Одной из вершин его творчества я считаю Дом Пашкова в Москве. Это здание поражает своей античной гармонией.

И взяла в руки монографию Белецкой, чтобы продублировать свою мысль цитатой:

– «Гармоничность здания была достигнута применением в его пропорциях простых кратных соотношений, ритмичным повторением одинаковых величин. Так, например, план и объем центральной части здания и флигелей построены на точных соотношениях квадрата и его диагонали, длина фли-

гелей равна длине галерей, соединяющих их с центральной частью, и так далее».

– Я с вами согласен. Это одно из моих любимых мест Москвы, – проговорил с легкой ностальгией Олег Александрович.

Я молчала, не желая прерывать воспоминания профессора.

– Извините, – с улыбкой сказал он. – Вспомнил студенческие годы и первые посещения библиотеки Ленина.

– Да, – ответила я, вежливо улыбнувшись в ответ. – Но как могут быть связаны Дионисийские архитекторы с нашими гравюрами? Я, наверно, неправильно сформулировала свой вопрос...

– Нет, я вас понял. И могу ответить, что скорее всего – напрямую.

– Тогда слушаю продолжение вашего рассказа, – удивленно подняв брови, воскликнула я.

– Тогда продолжим, – произнес Олег Александрович, просматривая свои записи. – Кем были розенкрейцеры? Не было ли Братство Розы и Креста связующим звеном между средневековым масонством и мистицизмом античности? Какова истинная цель деятельности Братства Розы и Креста? Распался ли орден в конце XVIII века или продолжает существовать до сих пор? Это лишь часть вопросов, которые возникают в связи с этой проблемой.

Теперь настала моя очередь кивнуть в знак согласия, как

примерной ученице.

– История возникновения Братства Розы и Креста запутана и противоречива. Некоторые источники указывают на существование с XIV века общества алхимиков, трудившихся в поисках философского камня. И некто Николо Барно, путешествуя по Германии и Франции, учредил герметическое общество. По уверению нотариуса Газельмейра, он в 1610 году прочитал рукопись *Fama Fraternitatis*, содержащую в себе все законы ордена. Четыре года спустя в небольшом сочинении, озаглавленном «Всеобщее преобразование света», впервые рассказывается о Христиане Розенкрейце, жившем в XIV веке, его путешествии по Аравии и о созданном им Братстве Розы и Креста. В 1604 году один из его учеников вскрыл его могилу и нашел там странные надписи и рукопись, написанную золотыми буквами, так называемую «Книгу М».

Пять основных законов Братства гласили: 1. безвозмездно лечить больных; 2. носить одежду той страны, в которой они жили; 3. каждый год являться на собрание ордена; 4. умирая, выбирать себе преемника; 5. хранить тайну сто лет.

Члены братства не чувствовали ни голода, ни жажды, не были подвержены ни старости, ни болезни, обладали властью повелевать духами и делаться невидимыми, а также могли притягивать к себе драгоценные камни. И хотя существование средневековых розенкрейцеров спорно, есть свидетельства о существовании ордена в Германии, а позднее во Фран-

ции, Италии, а также в Англии. Как тайное общество просвещенных ученых своего времени, внесших вклад в развитие человеческих знаний, они сохранили свою тайну.

– А что произошло с Братством в дальнейшем, и сохранились ли их рукописи? – с интересом спросила я, когда Олег Александрович закончил свой рассказ.

– На этот счет существует несколько версий, – ответил на мой вопрос профессор, сделав глоток кофе. – По одной версии, Братство до сих пор существует в Германии, сохраняя абсолютную секретность. А по другой – оно перестало существовать с XVIII века, слившись с масонством, и 18-я ступень посвящения масонов, известная как Роза-Крест, сохраняет символы розенкрейцерских огненных алхимиков. А что касается текстов, то да, они сохранились, и по ним можно судить о подлинной цели Братства. К таким произведениям можно отнести «Химическую свадьбу» Христиана Розенкрейца, «Признание Братства Розы и Креста ученой Европе», а также книгу «Магические, каббалистические и теософские сочинения Георга фон Веллинга по поводу Солей, Серы и Ртути», изданную во Франкфурте и Лейпциге в 1735-м и 1760 годах и еще ряд других.

– Да, – протянула я. – Наверно, это выше моего понимания.

Олег Александрович рассмеялся в ответ, глядя на мою физиономию, и попросил еще кофе. На что я с радостью согласилась, так как мне тоже был необходим допинг, чтобы

вернуть свои мысли в нужное русло.

Направляясь на кухню сварить кофе, я подумала, что, наверное, уже пришло время ужина. Мы разговаривали часа три, если не больше. Взглянув на часы, я убедилась, что была права. Была половина девятого.

– Олег Александрович, как насчет легкого ужина? Спагетти с ветчиной, сыром и томатами? – крикнула я из кухни.

– Не откажусь, Ольга Николаевна, – ответил профессор, и по его удивленному голосу я догадалась, что он тоже посмотрел на часы.

– Ромео, не сердись, дорогой, – успокаивала я своего кота, сидевшего в дверях кухни и недовольного тем, что забыли о его королевском высочестве. – Ты будешь ужинать первым.

Насыпав Ромео его корма, я приступила к приготовлению ужина для нас. Благо это не требовало много времени, так как все уже было приготовлено заранее. Пока я суетилась на кухне, зазвонил мобильный моего гостя. Через несколько минут, все еще продолжая говорить по телефону, профессор появился в дверях.

– Ольга Николаевна, звонит Виктор Иванович и спрашивает, можем ли мы подойти к нему завтра в Эрмитаж часам к трем, – обратился ко мне Олег Александрович.

– Да, до пяти вечера я свободна, а потом у меня курсы, – подумав, ответила я.

– Да, Виктор Иванович, мы подойдем, – сообщил профессор. – До завтра.

– Кстати, хорошо, что Виктор Иванович позвонил, – сказала я, направляясь в комнату с подносом. – Я хотела сама позвонить ему сегодня и рассказать, что нашлась третья часть партера.

– Да, – согласился со мной Олег Александрович, убирая со стола книги. – Может, он нашел четвертую часть?

И от этого фантастического предположения мы рассмеялись.

– Красное сухое вино или гранатовый сок? – обратилась я к профессору.

– Я думаю, что бокал красного сухого вина не повредит, – ответил он.

Пока Олег Александрович открывал бутылку с вином, я подала наш ужин по-итальянски, и мы сели за стол.

– За четвертую часть нашего партера, – предложила я тост, после того как были наполнены наши бокалы.

– За нее, – согласился Олег Александрович.

Только я пригубила вино, как сразу же зазвонил телефон. Поставив бокал, я взяла трубку. Звонил Денис.

– Привет, – сказала я. – Тебе Лена передала, что справка о Баженове для тебя приготовлена?

– Да, спасибо, – ответил он и стал так быстро и нервно говорить, что я только успевала односложно отвечать на его вопросы.

– Хорошо, завтра в десять вечера я вас жду, – ответила я на последний вопрос Дениса и повесила трубку.

– Ситуация становится интересной, – сказала я Олегу Александровичу, наконец-то приступив к своему ужину.

Профессор посмотрел на меня с немым вопросом.

– Вчера ночью неизвестные проникли в помещение редакции «Абсолютно секретно» в поисках какого-то материала. Ущерб нанесен немалый. Денис считает, что искали письмо, которое пришло на имя Щеглова. Но, соответственно, никому об этом не говорит, – пересказывала я последние новости Олегу Александровичу, при этом пытаюсь есть. – Теперь понятно, почему Лена меня утром спрашивала, все ли в порядке.

– Это может быть простым совпадением, а если нет, то нам надо будет быть повнимательнее, – сказал профессор и серьезно на меня посмотрел.

Я кивнула в знак согласия:

– Надо завтра спросить Виктора Ивановича, рассказывал ли он кому-нибудь о наших находках.

– Да, – согласился Олег Александрович.

– Если это все-таки не совпадение и нападение на редакцию связано со смертью Щеглова и его статьей, то кто за всем этим может стоять? – после некоторого раздумья спросила я.

– Не знаю, – медленно ответил Олег Александрович. – А у вас есть экземпляр этой статьи? Хотелось бы ее прочитать.

– Да, конечно, – сказала я, вставая из-за стола, чтобы взять папку с оригиналами гравюр, в которой также лежали статья Щеглова и заметка Громова. – Извините, что не показала ее

сразу.

– Сразу в этом не было необходимости, – вежливо проговорил профессор. – Вы не будете возражать, если я возьму статью с собой и прочитаю ее дома? Уже поздно, не хотелось бы вас задерживать.

– Вы меня несколько не задерживаете, – с улыбкой ответила я. – А статью, конечно, берите домой, вам еще нужно время, чтобы до него добраться.

– Не так и много, – произнес Олег Александрович, вставая из-за стола. – Я живу на Васильевском, пешком через мост пятнадцать минут, тем более мне при ходьбе легче думается. Тогда, с вашего позволения, Ольга Николаевна, я откланяюсь.

В ответ на последнюю фразу профессора я, вставая, сделала шуточный книксен и пошла в прихожую, его провожать.

– Спасибо за ужин, Ольга Николаевна, – уже в прихожей, надевая пальто, поблагодарил меня Олег Александрович. – И не забудьте, завтра нас ждет Виктор Иванович.

– О, этого я точно не забуду, – смеясь, заверила я профессора. – До завтра.

Убирая со стола посуду после нашего ужина, я почувствовала себя какой-то опустошенной. Видно, сказалось напряжение сегодняшнего вечера, когда я пыталась осмыслить и запомнить рассказ профессора. А мне еще надо было готовиться к завтрашней лекции по истории садов Версаля.

– Так, Ромео, план таков, – сказала я коту, который терся о мои ноги с требованием своего любимого паштета. – Моем посуду, принимаем ванну и текст лекции читаем перед сном в постели. А завтра все остальное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.